

к26.89

П53

ПОЛЫНКИН

*Топковское сельское поселение.
История и люди*

Выпуск 3

К 26.89
П 53

кр

История сельских поселений
Покровского района Орловской области
Выпуск III

Александр Полынкин

*Топковское сельское поселение.
История и люди*

A276979

Орёл – 2012

КР - 2017

БУКОО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин

П49 Топковское сельское поселение. / История и люди / – Орел: Полиграфическая фирма «Картуш». 2012. – 116 стр., фотографии.

Богат и славен событиями и людьми Покровский край. Автору давно хотелось свести вместе информацию, которую он извлёк из различных источников по тем или иным населённым пунктам Покровского района, довести до читателей факты, известные сейчас лишь архивистам. Автор убеждён, что это будет полезно как взрослым, так и школьникам, изучающим историю.

Эта книга – третья в задуманном А. Полынкиным цикле из 14 книг – «История и люди Покровского района». Первые две были посвящены Вышнетуровецкому и Берёзовскому сельским поселениям. Автор надеется, что третья книга, как и две предыдущие, найдёт своего благодарного читателя.

Фото на обложке:

Лицевая сторона: Тургенев на охоте. Картина Н.Д. Дмитриева-Оренбургского
2-я сторона: Дорожка к Топковской школе
3-я стр. обложки: Пруд в селе Топки на ручье Топком Ржавце (Топки)
Вид из села Топки на деревню Лутовиново
Оборот: Пруд села Смирные

УДК 82-1
ББК 49.0

© А.М. Полынкин, 2012

5-70-се-по-по

Тургеневские Топки во времени и пространстве

16 ноября 1850 года в Москве в доме на Остоженке, умерла Варвара Петровна Тургенева. Одной из богатейших помещиц России принадлежали имения в Курской, Калужской, Тамбовской, Тульской и Орловской губерниях.

Процесс оформления наследства ее сыновьями (по разным причинам) несколько затянулся, и лишь в марте 1855 года в Орловской палате окружного суда надворный советник Николай Сергеевич и коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургеневы произвели раздел принадлежавших их матери владений и крестьян.

По раздельному акту И.С. Тургенев получил 1925 душ, а его брат – 1360. В Малоархангельском уезде Орловской губернии участок писателя составили следующие имения, земли и души:

«Село Топки (через «а» - А.П.) и сельцо Хмелевое, при коих состоят земляные дачи... В селе Топки водяная мукомольная мельница. Душ по 9-ой ревизии в селе Топках – 210 мужского пола и 225 – женского пола, в сельце Хмелевом – 44 мужского и 43 – женского пола» (Центральный Государственный Исторический архив, фонд 1463, опись 1, ед. хр 1201, л. 25 об.).

(Кстати, о мельнице. Находилась она на ручье Топкий Ржавец, протекавшем через село и впадавшем затем в реку Сосну. К сожалению, о хозяйственной деятельности и судьбе мельницы мне ничего выяснить не удалось, но при продаже Тургеневым топковского имения купцу Ильинскому в 1880 году она в перечне имущества уже не упоминалась – А.П.).

Так в 1855 году Иван Сергеевич стал владельцем имения, о котором и пойдет речь в нашем повествовании. Сразу – во избежание дальнейших недоразумений – хочу подчеркнуть, что имение «Топки» и село Топки – разные понятия. Село Топки в XVIII-XIX веках (до 1861 года) было большим населенным пунктом, в котором проживали как казенные, так и помещичьи крестьяне, принадлежавшие нескольким владельцам.

Одним из них в XVIII веке был ливенский помещик Петр Лутовинов (с момента образования в 1778 году Орловской губернии и нового уездного деления он стал малоархангельским помещиком).

Именно Петру Лутовинову, деду Ивана Сергеевича Тургенева по матери, и принадлежала большая часть помещичьих крестьян в селе Топки и частных земельных владений в Топковской и Верхососенской дачах.

Далее в статье (если не будет подчеркнуто особо), говоря о Топках, я буду иметь в виду только имение Лутовиновых – Тургеневых (Петра Ивановича, Варвары Петровны, Ивана Сергеевича).

Петр Лутовинов, фактически изгнанный в свое время из Преображенского полка с дурным аттестатом, обладал буйным и неукротимым нравом.

Став владельцем земельных участков в Топках и окрестностях, он построил здесь помещичий дом, из которого, как средневековый феодал, совершал набеги на владения соседей – однодворцев.

В Ливнах, во Мценске и Малоархангельске неоднократно рассматривались в конце 70 – начале 80-ых годов XVIII века дела «о ссоре и драке крестьян капитана Лутовинова с однодворцами села Верхососенья (Топковская и Верхососенская земельные дачи граничили друг с другом – А.П.) на спорной земле.

Живший в имении князя Куракина в качестве архитектора Владимир Алексеевич Бакарев оставил записи, в которых идет речь как раз об этих событиях:

«Лутовинов... послал сказать своим противникам, чтобы они ехали с его земли и не пахали бы ее, как не им принадлежащую, а ему. Сначала сделалась брань, потом драка, а потом совершенное побоище. Лутовинов выехал со всею охотою, большей частью напоенной допьяна, обе стороны остервенились до того, что на месте с обеих партий было убитых до 15 человек. Охотники стреляли из пистолетов. Когда Лутовинов одолел, тогда собрал все мертвые тела и повез их в город Ливны. Едучи туда через селение противников, зажег оное с обоих концов и кричал: «Я – бич ваш!» Приехавши в Ливны, он прямо доставил убитых в суд и сказал судьям: «Вот я управился». Его, разумеется, взяли, и он сидел в деревне своей до 15 лет на поруках; в это время до 50 человек его крестьян умерло в остроге».

В селе Верхососенье и по сию пору живут Овсянниковы – потомки тех однодворцев, с которыми сражался за лишний кусок земли Петр Лутовинов. Тургенев в рассказе «Однодворец Овсянников» поведал нам о судьбе одного из противников своего буйного деда, которого устами главного героя он осудил за самоуправство.

Петр Иванович Лутовинов умер в 1787 году, за несколько месяцев до рождения дочери Варвары, которой, в конце концов, и достались скромный (по меркам помещичьим) усадебный дом в селе Топки и два земельных владения в Топковской и Верхососенской дачах общей площадью более тысячи десятин.

Став владелицей имения в Топках, Варвара Петровна посещала его довольно редко (известны ее приезды сюда летом 1839 и летом 1842 года).

Топковское имение было одним из самых больших во владениях Тургеневой и потому, хотя оно и превратилось в «заглазное», редко посещаемое хозяйкой, Варвара Петровна старалась вникать в дела хозяйственные. Для удобства пахоты и сева ей хотелось два здешних земельных участка в Топковской и Верхососенской даче свести в один, производя обмен с соседями. Но семилетние усилия Тургеневой в этом направлении так ничем и не закончились.

Приезжая в Топки, Варвара Петровна останавливалась в построенном ее отцом доме, который уже понемногу начал приходить в упадок. И хотя за ним присматривали слуги, жившие здесь же, неуютность дома чувствовали гости, изредка сюда заглядывавшие.

Когда в 1858-ом году в Топки на охоту вместе с Тургеневым приехал Афанасий Фет, то, ночуя в доме (в своих воспоминаниях назвав его «старым флигелем» – А.П.) он заметил пустые комнаты, отсутствие мебели и ткацкий стан, на котором работал крепостной ткач.

Когда Иван Сергеевич стал владельцем Топков и, продолжая усилия матери, пытался свести два земельных участка в один (на это ушло еще 20 безрезультатных лет), то в дедовском доме дважды собирались на съезд для полюбовного решения вопроса об обмене участков господина землевладельцы Топковской и Верхососенской дач.

Писатель, как и его мать, приезжал в Топки нечасто. В окрестностях этого села – болотистые, топкие места и поэтому в середине XIX века здесь обитало множество болотной дичи, на которую и приезжал охотиться Иван Сергеевич (в 1853 году – один, в 1858 году – вместе с Фетом, а в 1881 году – в свой последний приезд в Россию, как будто попрощаться – снова один). Но если бывал в Топках Тургенев редко, то в своих письмах, деловых бумагах в 70-ые годы он обращался к Топковскому имению неоднократно, поскольку оно приносило писателю постоянный и ощутимый доход.

В денежном выражении это выглядело так – 4200 рублей, выплачиваемых в три срока мценским купцом А.И. Кошеверовым (*Кошеверовым, Кошеваровым – встречаются три варианта написания его фамилии – А.П.*) за годовую аренду имения.

Правда, Тургенев считал, что его управляющие – Н.Н. Тургенев и Н.А. Кишинский и от Топков, и от других имений присылают Ивану Сергеевичу недостаточно денег (в силу того, что хозяйствуют неумело и просто подворовывают).

В начале 1880 года, когда у писателя возникли материальные затруднения, он решил на продажу имения в Топках, и во второй

половине этого же года арендатор Кошеверов, заплатив Тургеневу наличными 69 тысяч рублей (а общая сумма сделки составила 81 тысячу), стал новым владельцем имения. Так закончилась история владения Топками семейством Лутовиновых и Тургеневых.

Но это еще не конец всей истории, поскольку мы должны сказать, конечно же, о судьбе старого дедовского дома.

По всей видимости, уже при Кошеверове он пришел в совсем непригодное состояние, поскольку из письма Тургенева барону Гинцбургу нам известно о том, что арендатор построил новый флигель, в котором жил. Вполне вероятно, что после покупки Топков Кошеверов старый Лутовиновский дом разобрал, хотя некоторые старожилы села Топки вспоминают о его существовании еще в 50-60-ые г.г. XX века. Однако, по нашему мнению, они видели уже Кошеверовскую постройку.

И наконец, последнее, уже литературное добавление к повествованию о Топках.

По мнению Фета, побывавшего здесь в 1858 году, прообразом сельца Васильевского в «Дворянском гнезде» послужили как раз Топки, а старый дом, описанный в романе, очень похож на реально существовавший дом Петра Лутовинова («старый флигель» – А.П.)

Правда, с точкой зрения А.Фета согласны не все тургенеvedы.

О последнем посещении И.С. Тургеневым Топков, уже проданных к этому времени Кошеверову, сохранились воспоминания учителя Топковской земской школы Ардалиона Замятина, написанные в 1924 году.

И хотя в этих воспоминаниях есть неточность (Замятин пишет о том, что Тургенев, якобы, приехал к Кошеверову, чтобы договориться об окончательной продаже имения, между тем как Топки уже были к этому времени им проданы – около года назад), они являются единственными подробными свидетельствами посещения писателем Топков.

Иван Сергеевич помог тогда мужикам - погорельцам из деревни Лутовиновой, которые пришли к новому владельцу имения с просьбой о помощи.

Тургенев, после разговора с мужиками, выдал им на погорелое 100 рублей. А потом Иван Сергеевич уехал – из Топков, из Спасского, из России и, как оказалось, навсегда.

Новый владелец имения Александр Иванович Кошеверов, успешно справлявшийся с управлением и хозяйствованием в Топках, по каким-то причинам вскоре продал свое приобретение – орловскому купцу Гавриилу Афанасьевичу Ильинскому.

Согласно данным «Списка землевладельцев Верхососенской волости за 1908 год» он владел 670 десятинами земли (чуть меньше, чем в 1880

году продал Тургенев Кошеверову – но это и понятно: времени прошло уже почти 30 лет).

После смерти Г.А. Ильинского имением управляли его сыновья Василий и Николай. В ноябре 1917 года все их имение и имущество в нем были разграблены крестьянами Топков и соседских деревень. Целым оставался лишь жилой дом Ильинских, но и его чуть позже постигла та же участь.

Долгие годы при Советской власти как-то и не вспоминали даже о том, что Топки – это бывшее имение великого русского писателя, которого эта власть вроде бы ценила и уважала.

Когда в Топках в период коллективизации появился первый колхоз, название у него было стандартное – «Новая жизнь». А возникший в 1957 году в результате объединения новый колхоз и вовсе назвали именем партийного деятеля Жданова. Какое он имел отношение к Топкам – неизвестно, но даже памятник ему в селе поставили (кстати, стоит до сих пор).

И лишь после того, как усилиями работников Орловского Государственного Литературного музея И.С. Тургенева на базе Топковской средней школы возник в 80-ые гг. XX века в селе литературно-краеведческий музей, материалы которого рассказывали о связях Тургенева с Топками, тогда стали задумываться об увековечивании в крае имени великого писателя.

В 1988 году общеколхозное собрание заменило имя Жданова на имя Тургенева.

Колхозов сейчас в Покровском районе нет, вместо них возникли крупные агрофирмы, одна из которых некоторое время называлась ООО «Тургеневское».

Несколько лет назад глава администрации Покровского района И.А. Хохлов принимал постановление об ускоренном развитии Топковской сельской администрации, сёла и деревни которой в последнее время таяли на глазах, а население из-за тяжелых бытовых условий разъезжалось по городам и весям.

До Топков, до местного музея, рассказывающего о Тургеневе, наконец – то, стало возможным доехать в любую погоду, а не только жарким летом (здесь, как и в былые тургеневские времена люди и машины до недавних пор просто тонули на болотистых улицах).

Появился в Топках и газ, а всего остального в селе – включая красивейшие и к тому же исторические места, всегда было в достатке.

В XXI веке Тургеневские Топки надеются с пользой занимать свое место в пространстве развивающегося Покровского района.

P.S. Статья была написана несколько лет назад, когда у меня был ещё оптимизм по отношению к судьбе сёл и деревень края. Но... вымирают Топки, медленно и верно. В Топковской средней школе, которую основал когда-то Ардалион Замятин ещё как земскую, сейчас не наберётся и тридцати учеников, она из средней превратилась в основную, а в районе говорят уже о её окончательном закрытии.

Топки в произведениях Тургенева и в воспоминаниях о нём

Одним из лучших произведений Ивана Сергеевича Тургенева является роман «Дворянское гнездо». Написан он был в 1858 году, публиковался в январском номере журнала «Современник», а несколько позднее вышел отдельным изданием. Уже при жизни писателя роман переиздавался шесть раз. Роман небольшой по объёму, легко читается, и, как многие повести Тургенева, овеян мягким и грустным лиризмом.

Для жителей Топков интересен один отрывок из романа. С некоторыми сокращениями мы процитируем его (главы 18 и 19).

«Тарантас толкнуло: Лаврецкий выпрямился и широко раскрыл глаза. Перед ним на пригорке тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднелся ветхий господский домик с закрытыми ставнями и крикливым крылечком; по широкому двору, от самых ворот, росла крапива, зеленая и густая, как конопля; тут же стоял дубовый, еще крепкий амбарчик. Это было Васильевское...».

«Вот я и дома, вот я и вернулся», - подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю, между тем как ставни со стуком и визгом отворялись одна за другой, и дневной свет проникал в опустелые покои.

Небольшой домик, куда приехал Лаврецкий, был выстроен из прочного соснового леса; он на вид казался ветхим, но мог простоять еще лет пятьдесят или более. Лаврецкий обошел все комнаты и, к великому беспокойству старых, вялых мух с белой пылью на спине, велел всюду открыть окна. Все в доме осталось как было: тонконогие белые диванчики в гостиной, обитые глянцевитым серым штофом, протертые и продавленные, живо напоминали екатерининские времена... В спальне возвышалась узкая кровать, под пологом из стародавней, весьма добротной полосатой материи; горка полинялых подушек и стеганое жидкое одеяльце лежали на кровати... Туалетный столик из штучного дерева, с медными бляхами и крикливым зеркальцем, с почернелой позолотой, стоял у окна. Рядом с спальней находилась образная, маленькая комнатка с голыми стенами и тяжелым киотом в угле; на полу лежал истертый, закапанный воском коверчик... Осмотрев дом, Лаврецкий вышел в сад и остался им доволен. Он весь зарос бурьяном,

лопухами, крыжовником и малиной, но в нем было много тени, много старых лип... Сад оканчивался небольшим светлым прудом с каймой из высокого красноватого тростника».

По мнению некоторых тургеневедов, деревня Васильевская, куда приехал Лаврецкий, как в одно из своих имений – это село Топки нашего района. (В 1842 году оно относилось к Малоархангельскому уезду). Дом, в котором поселяется Лаврецкий, - это помещичий дом Лутовиновых (флигель, как его иногда называли), от которых он перешел по наследству к Ивану Сергеевичу Тургеневу в бытность его владения Топками.

Подтверждением этому служат воспоминания известного русского поэта, орловчанина Афанасия Афанасьевича Фета, который был дружен с Тургеневым и часто приезжал к нему в Спасское-Лутовиново. Вот что пишет Фет (цитата из двухтомника «Мои воспоминания», глава 9).

«В те времена Малоархангельский уезд славился изобилием болотной дичины, и если мы с Тургеневым ездили в его Малоархангельское имение Топки, впоследствии им проданное, то, конечно, главной целью Тургенева было удобно поохотиться, а никак не разбирать какие-либо свои экономические дела. Пролет болотной дичи почти совпадает с лучшим временем охоты на молодых тетеревей, с которой мы только что вернулись. Вследствие этого и зная достоверно, что действие романа «Дворянское гнездо» перенесено Тургеневым в Топки, я до сего времени думал, что поездка в Малоархангельск совершена нами гораздо позднее, но увы! - развертывая сочинение Тургенева, увидел пометку «Дворянского гнезда» - 1858 годом, вследствие чего не может быть ни малейшего сомнения, что вскорости после охоты на тетеревей мы с Тургеневым направились в Топки. Описание старого флигеля, в котором мы останавливались, весьма преувеличено пером романиста. По раскрытии ставней мухи действительно оказались напудренными мелом, но никаких штофных диванов, высоких кресел и портретов я не видал. А в одной из пустых комнат, вместо упоминаемой кровати под пологом, я увидел ткацкий станок, на котором крепостной ткач работал прекрасную пестрядь. Правда, что худо ли, хорошо ли, нам приготовили обед, и старый слуга Антон, принарядившись в серый сюртучок, надел белые вязаные перчатки».

Итак, А.А. Фет прямо говорит, что действие романа «Дворянское гнездо» происходит в Топках. Это отрадный факт: как-никак населенный пункт нашего района изображен в одном из лучших романов замечательного русского писателя. Фет дополняет литературные описания Топков (Васильевского) реалистическим

описанием увиденного, а в результате перед нами встает село сто пятьдесят лет назад.

Закончить эту часть хочется еще одним отрывком из воспоминаний А.А.Фета, в котором говорится о пребывании двух писателей в Топках и о встрече Тургенева с крестьянами.

«На другой день нашего приезда в Топки Тургенев, предчувствуя, что к нему придут крестьяне, мучительно томился предстоящей необходимостью выйти к ним на крыльцо. Сетования эти до того мне надоели, что я вызвался выйти вместо него к крестьянам и полагаю, что исполнил бы это, хоть не с большей пользой, но с большим достоинством. Я из окна смотрел на эту сцену. Красивые и, видимо, зажиточные крестьяне без шапок окружили крыльцо, на котором стоял Тургенев, и, отчасти повернувшись к стене, царапал ее ногтем. Какой-то мужик ловко подвел Ивану Сергеевичу о недостатке у него тяговой земли и просил о прибавке таковой. Не успел Иван Сергеевич обещать мужику просимую землю, как подобные настоятельные нужды явились у всех, и дело кончилось раздачей всей барской земли крестьянам. Само собою разумеется, что дело это оставалось на этом основании до отъезда Ивана Сергеевича за границу и приезда Николая Николаевича в Топки».

Судя по воспоминаниям Фета, Тургенев всю свою топковскую землю раздал в 1858 году крестьянам бесплатно, но дядя его, Н.Н. Тургенев, управляющий имениями писателя, не допустил этого после отъезда Ивана Сергеевича за границу, и крестьяне земли не получили.

В томе XI Полного собрания сочинений и писем Ивана Сергеевича Тургенева (письма) в разделе «Официальные письма и деловые бумаги» на странице 356 имеется любопытный для нас документ. Это доверенность, выданная писателем своему управляющему Н. А. Кишинскому 23 апреля (5 мая) 1875 года в Париже. Мы процитируем небольшой отрывок из нее.

«Милостивый государь, Никита Алексеевич, прошу Вас распорядиться о выдаче на законном основании купчих крепостей на уступленные и проданные участки земли из имений моих, в количестве, Вам известном...». Далее Тургенев называет несколько фамилий тех крестьян и дворовых, кому должны быть выданы купчие крепости. И среди них *«... Орловской губернии, Малоархангельского уезда при селе Топках, Покровское тож - бывшему дворовому человеку Ивану Ивановичу Замятину...»*

Итак, из этой доверенности мы узнаем, что бывший дворовый человек И. С. Тургенева, Иван Иванович Замятин, проживавший в селе

Топки, получил купчую крепость на право владения землей. Произошло это в 1875 году.

Иван Иванович Замятин и его жена родились и жили в Спасском-Лутовинове Мценского уезда. Незадолго перед реформой 1861 года их переселили в Топки, где жили крепостные крестьяне Тургенева и был барский дом. Иван Иванович ткал льняные полотна, а жена его пряла. После реформы Замятин стал сторожем в барском лесу.

В январе 1861 года, перед самой отменой крепостного права, у Замятиных родился сын, названный Ардалионом.

Ардалион Иванович Замятин около сорока лет проработал учителем Топковской земской школы. В 1924 году он, по просьбе Малоархангельского уездного отдела просвещения (упроса), написал воспоминания о двух его встречах с Тургеневым. Эти воспоминания хранятся в фондах музея И. С. Тургенева. Ниже мы приведем их с некоторыми сокращениями.

«...Это было в 1870 году, в мае или июне месяце. Деревня Лутовинова, где жили мои родители, принадлежала Тургеневу, отец мой, бывший дворовый, служил после освобождения крестьян в этом имени вроде посыльного при бурмистре. Жили мы в огромной барской избе, где помещалось две семьи. Изба эта была холодная и отец всегда мечтал построить себе собственную избу, но денег у него не было, так как отец получал жалованья два рубля в месяц и месячину... Когда стало известно, что Иван Сергеевич приехал из-за границы в Спасское, то отец решил ехать к нему и просить себе усадьбу (всем дворовым в Спасском были усадьбы вырезаны бесплатно) и, кроме того, узнать, не продаст ли ему барин небольшой флигелек, стоящий на барском дворе. Бурмистр дал отцу лошадь с телегой, и мы поехали.

В Спасском мы пробыли дня три. Отец ездил писать купчую на землю, а флигель был продан отцу за деньги в половинной стоимости. В эти дни я еще раз видел Ивана Сергеевича. Я с товарищами пошел ловить рыбу в пруде. Проходя по аллее, мы увидели идущего нам навстречу Тургенева с каким – то другим баринном. Он был без шляпы, и волосы его развевались при ветерке. Мы почему-то так испугались, что бросились в сторону и спрятались за куст.

Вторая встреча моя с Тургеневым произошла в августе 1881 года, в последний его приезд в Россию. В это время мне уже было 20 лет, я состоял учителем в Топковской земской школе, и в моих глазах И. С. Тургенев был не просто «барин» и «сочинитель», как говорила моя бабушка, а мировая известность.

Это было 11 августа. Я сидел на крылечке того флигелька, о котором писал выше, и что-то, кажется, читал. Было около четырех часов

пополудни. Наша деревня находится в стороне от больших дорог, и поэтому, кроме как на мужицких телегах, никто никогда не проезжал. Вдруг я вижу: едет карета, запряженная тройкой лошадей, а из кареты, когда она поравнялась, смотрит белая как лунь голова в шляпе и с белою же бороною. Не знаю, почему я сразу узнал его? По портретам ли? Или потому, что видел его 11 лет назад? Только я сразу вскочил, бросился в дом и закричал матери, что приехал Тургенев, а сам выбежал на крыльцо. Карета завернула направо и въехала в так называемый барский двор. Я быстро надел пиджак и побежал туда. Имение в то время было сдано в аренду мценскому купцу А. И. Кошеварову, который, по случаю рабочей поры, жил здесь. Когда я вошел на крыльцо, то услышал через отворенные окна разговор внутри дома, и среди знакомых голосов был один незнакомый, его, Тургенева.

Я, как ни хотелось мне, не решился войти в дом: мне казалось, что я настолько мал и ничтожен в сравнении с таким великаном ума, что не стоит беспокоить его своим присутствием. Я решился сидеть на крыльце и ждать случая подойти к нему поближе. В окно я услышал, как Кошеваров уговаривал Тургенева остаться ночевать, а потому нужно отпрячь лошадей, но И.С. говорил, что он приехал на чужих лошадях помещика Мухортова из Федоровки, где он гостит, и приехал потому: во-первых, взглянуть на свое имение, которое он почти не знает, а во-вторых, знал, что здесь можно встретить Кошеварова А.И., своего арендатора, с которым ему нужно переговорить об окончательной продаже имения, если тот желает купить и что, если Кошеваров согласен, то пусть он приезжает в Спасское не далее как через 3 – 4 дня, потому что спешит уехать (в этой части своих воспоминаний Ардалион Иванович допустил неточность: топковское имение было продано Тургеневым купцу Кошеварову в 1880 году за 81 тысячу рублей, и потому в свой последний приезд в Россию, летом 1881 года, писатель не мог вести речь еще раз о продаже этого же имения – А.П.).

В это время к крыльцу стали подходить лутовиновские мужики-погорельцы, незадолго перед этим сгоревшие в числе 10 дворов, и Тургенев выглянул в окно. Я вблизи увидел знакомые черты... - то же белое, большое, мужицкого облика лицо, та же круглая, белая борода, та же прядь волос, падающая ему на лоб и те же широкие плечи и огромный рост. Мужики сняли шапки, а я встал. Слышу объяснение Кошеварова, что это погорельцы, и вероятно, пришли к нему, Кошеварову, по какому-нибудь делу. Послышались шаги, и Тургенев, а за ним и Кошеваров вышли на крыльцо. Я почтительно поклонился ему и остался с непокрытой головой, как и все. В голове моей мелькала мысль отрекомендоваться ему, сказать, что я – сельский учитель, - чем я

немало гордился, что я бывший его крепостной и попросить на память о нем одну-единственную книжечку его сочинения с его подписью, но ... меня поразила мысль, что поступлю нетактично, и я остался на своем месте...

Тургенев заговорил с крестьянами, я смотрел на него сбоку и хотел запечатлеть его лицо в своей памяти навсегда, в чем и действительно успел: до сих пор я его представляю так, как бы видел его вчера. Вероятно, мой упорный взгляд его обеспокоил, потому что он несколько раз взглядывал на меня. Я не помню его разговора с мужиками, знаю только, что он обратился к Кошеварову дать ему 100 рублей, которые тут же и отдал мужикам на погорелое. Затем И.С. попросил Кошеварова распорядиться подать лошадей, вернулся в дом и через несколько минут вышел, одетый в пальто, в шляпе. На прощанье он подал руку Кошеварову, а на мой поклон ответил наклоном головы, сел в карету и уехал. Таким образом, он пробыл в своем имении не более двух часов».

Вот и всё, что можно сказать о связи Замятиных с великим русским писателем И.С. Тургеневым. Можно дополнить воспоминания А.И. Замятина воспоминаниями его дочери Анны Ардалионовны, закончившей Московские Высшие Женские Курсы и всю жизнь проработавшей в Топках сельской учительницей.

Она писала, что у ее отца, А.И. Замятина, обнаружились большие способности в детстве. Он закончил вначале городское высшее начальное училище в Малоархангельске, а затем выдержал экстерном экзамен на звание учителя в городе Орле, после чего стал учителем земской школы в селе Топки. Всю свою долгую жизнь Ардалион Иванович хранил теплые воспоминания о Тургеневе, часто рассказывал о нем своим дочерям. Может быть, именно поэтому и Анна Ардалионовна стала учительницей и проработала ею 33 года, прививая своим ученикам любовь к знаниям, великому русскому языку и к нашему земляку Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Имя Тургенева навсегда осталось в истории нашего края, в памяти тех людей, которые лично знали писателя, а теперь бережно хранится нами, ценителями его замечательного творчества. Доказательством этого документы музея истории села Топки, в которых писателю посвящены большие экспозиции, рассказывающие о связях Ивана Сергеевича с нашим краем.

На базе Станции детского и юношеского туризма и экскурсий несколько лет назад была разработана экскурсия – «По тургеневским местам Покровского района», и впервые был проведен районный конкурс – «Тургеневские чтения», ставший с 2004 года традиционным,

ежегодным. В нём принимают участие не только учащиеся школ, но и взрослые, знающие и любящие творчество Тургенева. И хотя с 2010 года учреждение дополнительного образования детей – Станция детского и юношеского туризма и экскурсий – прекратила своё существование, но Тургеневские чтения продолжают жить в районе уже на базе другого учреждения – Дома детского творчества.

Тургенев – самый известный на Орловщине писатель, и топковцы не только гордятся тем, что он имеет к их селу непосредственное отношение, но и стараются прославлять его имя и творчество среди земляков – писатель это заслужил, поскольку многие из его произведений не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

О Покровской церкви села Топки и её прихожанах

Покровская церковь села Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии – одна из старейших на Орловщине. Точную дату её постройки установить, пока, не удалось. Но в «Разборной ведомости», составленной в 1749 году Ливенским духовным правлением, она уже названа в числе других 79 приходских церквей Ливенского уезда.

В Государственном Архиве Орловской области ((ГАОО, ф. 220) сохранилось всего пять метрических книг этой церкви: за 1850, 1859, 1879, 1900 и 1912 годы. С их помощью и используя некоторые другие материалы, я постараюсь сделать зарисовку духовной жизни села Топки и окрестных деревень в XIX веке.

В приход храма входили первоначально (до начала 60-ых годов XIX века) село Топки и деревня Хмелевая, потом к ним добавились деревни Лутовинова и Жолудёвка.

Служители Покровского храма

Поскольку число прихожан всегда было небольшим (в сравнении с некоторыми другими храмами Малоархангельского уезда), то службы в Покровской церкви вёл один священнослужитель.

Долгое время им был отец Иоанн Минович Розов (до августа 1850 года – иерей, с августа – протоиерей), который был лично знаком с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Сам писатель, в одном из писем из Спасского, отправленном его хорошему знакомому П.В.Анненскому 2 (14) ноября 1853 года, сообщил, что во время его поездки на охоту в Топки в августе того же года у него состоялась встреча и знакомство со священником Покровской церкви этого села протопопом Иваном Розовым. Тургенев в своём новом знакомом «заметил... ум не совсем обыкновенный». Вполне вероятно, что Иван Сергеевич даже отправил

отцу Иоанну письмо по поводу авторства одного из понравившихся ему стихотворений. В Топковском храме Розов прослужил свыше 20 лет, скончавшись в 1865 или 1866 году.

Женой Ивана Миновича была Анфиса Захаровна Розова, которой после смерти мужа, по решению руководства Орловской епархии, была назначена пенсия как вдове священника, беспорочно прослужившего Богу свыше 35 лет.

Не менее известным батюшкой стал в 70-ые годы XIX века Михаил Остров, отец будущего известного революционера, журналиста и земского статистика Клавдия Острова. Он служил в Покровском храме и в начале XX века.

Помогали священнослужителям в службах дьяконы (Василий Филиппович Богоявленский, а потом - Пётр Иванович Синягин) и другие причетники: Иван Кутепов, Михаил Никольский, Павел Лукин, Алексей Переверзев, Фёдор Кутепов.

Крестьяне

Основными прихожанами Покровского храма были, конечно же, местные крестьяне, как казённые, так и помещичьи. Метрические книги донесли до нас фамилии казённых крестьян села Топки, многие из которых сохранились до настоящего времени. Вот некоторые из них: Алферьевы, Астафьевы, Бабенковы, Ерохины, Кондауровы, Кононовы, Кутеповы, Лаврищевы, *Лутовиновы (Адриан Петров, Алексей Романов, Михаил Васильев, Иван Петров, Самсон Андреев)*, Перцевы, Подальцевы, Родионовы, Русановы, Седельниковы, Сергеевы, Серовы, Харчевы, Чурсины, Шалимовы, Шепелевы.

Напомню, на всякий случай, что эта категория крестьян платила только налоги государству (в казну) и не знала барщины и оброка.

А вот у помещичьих крестьян, которые составляли примерно треть от числа проживавших в селе Топки и окрестных деревнях, фамилий вплоть до отмены крепостного права не было. Фамилии бывших помещичьих крестьян по приходу Покровской церкви называются только в метрической книге за 1879 год. По деревне Лутовиновой это: Абрамовы, Дёмичевы, Ефимовы, Курбаковы, Максимовы, Тришкины. По селу Топки добавилась фамилия Евшиных.

А теперь назову помещиков, владевших крестьянами и землями в приходе Покровской церкви села Топки.

Помещики села Топки:

Тургенева Варвара Петровна (до осени 1850 года), Тургенев Иван Сергеевич (с 1850 до 1880 года), Акулинин Илья Иванович (умер к ноябрю 1859 года), неслужащий дворянин Акулинин Григорий Ефимович.

Помещики деревни Хмелевая:

Тургенева Варвара Петровна (до осени 1850 года), Тургенев Иван Сергеевич (1850-1880 годы), Говоров Илья Васильевич, Кононов Тимофей Егорович, Леонтьева Евдокия Ивановна, Леонтьева Мария Фёдоровна (девица, наследница Евдокии Ивановны Леонтьевой), Протопопов Николай (к 22 января 1850 года умер), Протопопов Сергей Иванович, Пушешников Николай Васильевич, Языкова Настасья Васильевна, Козин Александр Петрович, Рыков Николай Николаевич.

Среди перечисленных есть две фамилии, которые наверняка были известны Ивану Сергеевичу Тургеневу. Во-первых, это Николай Васильевич Пушешников, малоархангельский уездный исправник, которого не мог не знать малоархангельский помещик Тургенев, являвшийся, ко всему прочему, ещё и соседом Пушешникова.

Во-вторых, Николай Николаевич Рыков, становой пристав I стана Малоархангельского уезда, он тоже был соседом Тургенева по имению. Но общение их в более близком плане требует документального подтверждения.

О рожденьях, венчаниях и смертях

А теперь несколько слов по приходской статистике – о числе родившихся, умерших и венчавшихся, по данным метрических книг Покровского храма. Сделаем это с помощью небольшой таблицы.

	Число родившихся	Число умерших	Число браков
1850	132	66 (прирост-61)	27
1859	132	88 (прирост-44)	18
1879	133	71 (прирост-62)	19

Из таблицы видно, что число рождавшихся по приходу младенцев в течение 30 лет было стабильным: 132-133 человека. Что касается смертности, то в ней наблюдались перепады (от 66 человек в 1850 году, самом благополучном, - до 88 в 1859 год), но средний уровень позволял обеспечивать прирост жителей, в среднем, чуть менее 50 процентов (на 57 человек ежегодно). Получается, что за 30 лет число жителей в селе Топки и окрестных деревнях увеличилось на 1710 человек (сравни, читатель, это с современной ситуацией – А.П.).

И несколько слов о крестьянах, принадлежавших Варваре Петровне и Ивану Сергеевичу Тургеневым

В 1850 году у них родилось 22 младенца, в 1859 году – 31; умерло (соответственно) – 17 и 17. То есть, при Варваре Петровне положение в плане рождаемости и смертности было намного хуже, чем при Иване Сергеевиче.

Что касается числа заключённых браков, то, опять-таки, их число было стабильным, в пределах 20 за год (кроме рекордного 1850 года – 27 венчаний).

В заключение – несколько записей из Метрических Книг Покровской церкви:

№1. 8 января 1850 года венчались села Топков Покровской церкви дьячок Иван Павлов Кутепов, 20 лет, православного исповедания, первым браком, и села Топков бываго дьячка Семёна Васильева Покровского дочь Анна, 19 лет, православного исповедания, первым браком.

Сей брак венчал в Покровской церкви села Никольского Архангельской церкви священник Николай Глаголев, при венчании был диакон Василий Богоявленский и того ж села пономарь Михаил Никольский.

Поручители – по жениху: Семён Павлов Воскресенский и села Троицкого, что на Липовице, дьячок Виктор Руденский; по невесте: малоархангельский мещанин Лука Алексеев Попов и Ливенского уездного училища ученик Фёдор Кутепов.

№2. 20 января 1850 года умерла, 22 – похоронена Елена, дочь диакона Василия Филиппова Богоявленского, 3 года, от кашля.

№3. 15/22 октября 1850 года у дьячка села Топки Ивана Павлова Кутепова и его законной жены Анны Семёновой, оба – православного исповедания, родился сын Димитрий.

Восприемники: Тульского Егерьского полка четвёртой роты прапорщик Фёдор Иванов Кураковский и того ж села протоиерея Иоанна Розова жена Анфиса Захарова

№4. 26 марта 1859 года родился, 29 марта – крещён Александр.

Родители: деревни Хмелевой помещик коллежский секретарь Николай Николаевич Рыков и законная его жена Анна Тимофеева.

Восприемники: Малоархангельский помещик, губернский секретарь Николай Васильевич Нелюбов и помещица, поручица, вдова Анна Александровна Пушешникова.

№5. 11 ноября 1859 года венчались села Топков крестьянин помещика Тургенева Еремей Алексеев, 18 лет, первым браком, и села Топков того же помещика крестьянина Никифора Игнатова дочь Мария, 17 лет.

№6. 11 ноября 1859 года венчались села Топков крестьянин помещика Тургенева Алексей Петров, 18 лет, первым браком, и села Никольского помещицы Настасьи Петровой Воиновой крестьянка Параскева Корнилиева, 18 лет, первым браком (эта запись – последняя среди записей о браках в 1859 году, под №18).

№7. 17 декабря 1859 года - умер от младенческого припадка девятимесячный сын Александр у помещика деревни Хмелевой, коллежского секретаря Николая Николаева Рыкова, который служил становым приставом I стана Малоархангельского уезда.

№8. Дата смерти неизвестна, отпеты и похоронены 23 декабря 1859 года:

1) живущего в селе Топки уволенного в бессрочный отпуск унтер-офицера лейб-гвардии 2-ой артиллерийской бригады бомбардира Петра Никитина Лаврищева жена Марина Панкратова, 25 лет;

2) падчерица его, казённая крестьянка Ирина Малахова Шелимова, девица, 8 лет;

3) и сын его, Лаврищева, младенец Адриан, 1 года.

Все трое убиты разбойниками, похоронены на приходском кладбище по отношению Г. Станового пристава Рыкова, по обряду христианскому.

И последнее. Согласно «Справочной книжке Орловской епархии на 1903 год» прихожан Покровской церкви села Топки в том году насчитывалось 2719 (из них мужчин – 1345, женщин – 1374), церковь владела 45 десятинами земли, при ней действовала школа грамоты с 32 учащимися.

Службы в 1903 году вели: священник Михаил Остров, диакон Пётр Синягин, псаломщик Николай Свиридов.

Как Орловский губернатор с крестьянами воевал (события в селе Смирные)

В тот год, когда великий полководец Суворов со своими чудо-богатырями проходил через перевал Сен-Готард и Чертов мост в Швейцарских Альпах, в Орловской губернии, в Малоархангельском уезде, умер помещик Петр Киреевский.

Сыну Николаю, гвардии прапорщику, завещал он два обширных имения – в селе Богородицкое (Смирные) и соседней деревне Степанищевой- с 500-и душами крепостных.

Ради такого наследства оставил военную службу Николай Петрович, поселился в имении родовом и хозяйствовать начал. Крестьяне от отца достались ему смиренные, работящие, богобоязненные: пахать ли, сеять, хлеб ли убирать, коноплю мять – все выполняли вовремя, как только приказывал Киреевский.

Целых 50 лет ни хлопот, ни страха не ведал помещик, пока старость не пришла.

Трудно в его 80 лет уследить было и за крестьянами, и за обширным хозяйством, но не хотел Николай Петрович заранее делить имение между четверьмя своими сыновьями – одному лишь, Ивану, доверил управлять.

Вот и почувствовали тогда мужики смировские и степанищевские, почем фунт лиха. Убедил Иван Николаевич батюшку родного, что слишком вольно живут в имении его крепостные: старост сами выбирают, из селения отлучаются, когда захотят, работают три дня подряд сначала на помещика, а потом три дня на себя.

«Негоже это, батюшка, чтобы власть помещичья так унижалась», - смиренно твердил Иван уже совсем неподвижному отцу и добился-таки своего.

Вскоре в селе Смирные и деревне Степанищевой новые старосты появились, назначенные Иваном Киреевским, - Петр Борисов и Роман Николаев. От управляющего они власть получили большую – вплоть до физического наказания не подчинявшихся крестьян.

Из имения запретил даже по важным делам уходить новый хозяин кому бы то ни было.

Однако с этим, хотя прежних хороших отношений с владельцем крестьяне лишались, они могли бы еще примириться. Но придумал помещик совсем непереносимое, чего Николай Петрович, отец его, не делал никогда: работать на господском поле крестьяне должны были не три дня подряд, а по вторникам, четвергам и субботам.

Вот это послушные ранее крестьяне вытерпеть никак не могли и начали просить Ивана Киреевского вернуть прежний порядок, на что он ответил категорическим отказом.

Трех челобитчиков тайно отправили тогда смирновские и степанищевские крестьяне в Орел, к губернатору Сафоновичу. И вскоре по его поручению приехал в имение Киреевского вице-губернатор вместе с жандармским штабс-капитаном Вырвичем.

Разбирались они с жалобой мягко, по-отечески и выяснили, что причины недовольства крестьян, людей благонравных и тихих, - в действиях самого помещика.

Убедил вице-губернатор Киреевского пойти на уступки крестьянам, и обещал Иван Николаевич своих старост убрать (пусть крестьяне сами выберут) и дать для крестьянских работ три дня подряд.

Крестьяне киреевские возрадовались справедливости такой, на коленях стояли и вице-губернатора благодарили.

Но только уехал он в Орел, и едва успели мужики степанищевские и смирновские новых старост на миру выбрать, как сказал им помещик: *«Ишь, чего захотели! Как было до этого, так и будет! Ничего я вице-губернатору не обещал: привиделось вам это!»*

Старосты его пуще прежнего злобствовать стали, и чуть однажды до смертоубийства не дошло одного из провинившихся.

Возмущенные смирновцы и степанищевцы числом более ста человек явились тогда к дому господскому и кротко, но твердо спрашивали: *«Как же так, Иван Николаевич? Ты же перед вице-губернатором и перед Богом обещал нам наших старост и три дня подряд на свои работы».*

Ничего не сказал помещик, своим дворовым приказал гнать просителей в шею и в тот же день написал письмо Малоархангельскому исправнику – о том, что крестьяне его *«вышли из повиновения и восстали с буйством противу законной власти своего владельца»*, просил принять меры.

Вернувшись по дворам, крестьяне на господские работы выходить перестали, а через несколько дней малоархангельский земский исправник Пушешников с испугом увидел идущую через город довольно организованную толпу числом более ста человек. Исправник решил было, что это по его душу и на всякий случай спрятался.

Но смирновские и степанищевские мужики (а это были они) через Малоархангельск прошли спокойно, без буйства, и через два дня их уже с удивлением увидели в Орле, у резиденции гражданского губернатора Сафоновича.

Валериан Иванович согласился принять из всей толпы троих просителей – Андрея Ажовского, Федота Погорельцева и Ивана Назарова. Суть крестьянской жалобы он понял сразу, причем, то, что Иван Киреевский нарушил данное им обещание, вызвало его недовольство, и это с удовлетворением увидели представители смирновских и степанищевских крестьян.

Домой киреевские мужики вернулись окрыленные, с большой надеждой на то, что губернатор им обязательно поможет.

По распоряжению Сафоновича в имении Киреевского побывали малоархангельский земский исправник Пушешников, предводитель Малоархангельского уездного дворянства Скарятин, старший чиновник особых поручений Ратынский и жандармский полковник Арцышевский. Все они передавали Киреевскому желание губернатора – сменить своих старост на выбранных самими крестьянами и дать крестьянам на их собственные работы три дня подряд на неделе.

С первым пожеланием – о смене своих старост – Иван Николаевич согласился, но с условием сделать это после отъезда чиновников, чтобы крестьяне не подумали, что ему приказали сделать это вышестоящие начальники.

Дать же крестьянам на работы три дня подряд помещик категорически отказался, заявив: - «Это нарушение помещичьих прав, и, кроме того, крестьяне совсем вышли из повиновения».

В доказательство своих обвинений Киреевский вручал каждому из являвшихся в имении чиновников свои очередные жалобы, в которых в шести пунктах показывал буйство некоторых крестьян:

самовольно обмолотили и присвоили себе некоторое количество господского хлеба;

затевают в селении драки;

не явились к исправнику, чтобы выслушать должное внушение;

не хотели тушить пожар во время ярмарки;

не хотели пускать на постой чиновников;

не убирают господский хлеб.

Чиновник особых поручений Ратынский, проверив все эти пункты, нашел их несущественными и выдуманными, но, тем не менее, распорядился собрать в селе Смирные всех недовольных мужиков – 124 человека – и сделал им внушение.

Киреевскому – отцу, 90-летнему старцу, этого показалось мало: он просил предать суду и удалить из имения 17 крестьян, которых считал «главными возбудителями беспорядков» (конечно же, с подачи сына – А.П.), представив полный список этих бунтарей.

3 сентября 1859 года в имении Киреевского еще раз побывал Малоархангельский уездный предводитель дворянства Дмитрий Скарятин, который более подробно *«дознал о нарушениях, произошедших от неосторожных распоряжений по работам и вызвавших неповиновение крестьян господина Киреевского»*. В донесении губернатору сообщил он, что добился от старика обещания решить все мирно, но вскоре тот опять отказался от своих же слов.

Так и не добившись от упрямого Киреевского Ивана согласия пойти на уступки, но видя в выступлении его крестьян угрозу для порядка и спокойствия, губернатор приказал жандармскому полковнику Арцышевскому принять необходимые меры.

10 сентября 1859 года по распоряжению Арцышевского в село Смирные из уездного Малоархангельска прибыли 30 человек рядовых при двух унтер-офицерах, с коими явились также земский исправник Пушешников, уездный предводитель Скарятин, благочинный протоиерей Розов и чиновник особых поручений Ратынский.

На площади собралось 125 недовольных крестьян, которые решительно отказывались подчиняться помещичьим старостам и работать по вторникам, четвергам и субботам на помещика. Из толпы раздавались возгласы: *«Нам Царь один укащик, Православные! Постоим за закон. Народ Православный, стой заодно»*.

Всех крикунов полковник приказал солдатам отделить от толпы и взять под арест. Когда их отводили подальше от остальных, один из арестованных, Дмитрий Погорельцев, кричал: *«Что ж, на штыки, так на штыки, мы хоть сейчас на них полезем!»*

Всех 19 арестованных полковник Арцышевский хотел отправить в Малоархангельск, однако толпа мужиков и баб (крестьянские жены находились неподалеку) не дала этого сделать.

Жандарм на приказ о стрельбе по не подчинившимся не решился – крестьян было слишком много.

И тогда Арцышевский убедил Ивана Киреевского дать публичное обещание крестьянам, что их просьбы и жалобы будут доведены до губернатора, и если тот прикажет, то помещик его приказ о трех днях выполнит.

Только после этого крестьяне разошлись по домам, а арестованные 19 человек были посажены в отдельную избу под охрану – дожидаться решения своей судьбы.

Получив донесение от Арцышевского, губернатор Сафонович, отправил ему 11 сентября предписание:

«По случаю открывшегося неповиновения ... Я отнесся к командиру Селенгинского пехотного полка, прося его немедленно отправить на

место один батальон нижних чинов с тем, чтобы в каждое из имений введено было по две роты».

15 сентября 1859 года стало заключительным днем противостояния непокорных крестьян Киреевского со своим помещиком – самодуром, который очень рассчитывал на помощь вышестоящего начальства, и все-таки ее дождался. Выбирая между справедливостью (в пользу крестьян) и общим порядком в губернии, губернатор, конечно же, выбрал последнее.

Земский исправник просил всех ждавших справедливости смирновских и степанищевских мужиков 15 сентября 1859 года собраться на рыночной площади села Смирные к 10 часам утра. Сюда же приказано было собрать 60 человек людей из окольных имений (зачем – станет ясно чуть позже).

Тем временем командир батальона Селенгинского пехотного полка развернул свою часть по всем правилам военного искусства, предусматривавшего полное окружение противника.

Четыре роты, вышедшие в 5 часов утра из села Дросково, окружили село Смирные со всех сторон рассыпным строем всего батальона. Когда это было сделано, то жандармский полковник Арцышевский, чиновник Снопов, батальонный командир с адъютантом, взяв с собою барабанщиков, горнистов и прикрытия, прибыли на площадь села Смирные, где нашли крестьян собранными и вовсе не ожидавшими сделанных распоряжений.

«Удостоверившись, что виновные крестьяне все налицо, Арцышевский приказал барабанщикам бить и горнистам играть сбор всему батальону. По этому сигналу все роты из занятых ими позиций быстро начали собираться к площади, и в четверть часа батальон окружил всех крестьян, ... которые покорились нравственному влиянию военной силы».

Под прикрытием батальона виновных отвели в ригу, где при окольных людях (помните – вот для чего, для устрашения непокорных и предотвращения будущих выступлений собрали их сюда) подвергли наказанию: более виновные 25 человек получили по 50 розог, а 41 человек – от 20 до 30 ударов.

По настоянию помещика Киреевского самых виновных наказали еще строже: Иллариона Изотова, старосту, и Захара Филюшина сослали в Сибирь, а Андрея Ажовского, Федота Погорельцева и Ивана Назарова отдали вне срока в рекруты.

Так закончились эти военные действия, успешно проведенные по приказу губернатора Сафоновича в отдельно взятом селе Смирные (ныне - Покровского района). Необходимый помещику и властям

порядок восторжествовал, но еще почти два месяца для его упрочения в Смирных и Степанищевой стояло по две роты солдат Селенгинского полка.

Р.С. Подавив выступление крестьян с помощью военных, уездные и губернские власти расхоты по отправке их сюда пытались возложить на самих покоренных крестьян, которые должны были заплатить 280 рублей за то, что их усмирили. Но эту сумму со смировских и степанищевских мужиков так и не удалось взыскать (хотя власти пытались это сделать несколько лет подряд). Крестьяне категорически заявляли: «Мы были невиновны».

Впрочем, свою долю в 16 рублей не заплатил и помещик Киреевский, по вине которого и произошла эта история.

«Смировская история» или как любили в старину

Может быть давно, а может, и не очень – лет сто тому назад жил в селе Смирные Малоархангельского уезда один помещик. Звали его Николай Киреевский, и принадлежал он к известному в Орловской губернии дворянскому роду – тому самому, из которого были знаменитые братья – славянофилы, Петр Васильевич и Николай Васильевич.

Отца у этого Николая звали Алексей, и оставил он сыну в общем – то, небольшое, но крепкое хозяйство, 200 десятин земли и аккуратный, красивый, как игрушка, усадебный двухэтажный домик, стоявший на берегу построенного им же пруда.

Военная служба Николаю Алексеевичу Киреевскому никогда не нравилась, но и гражданская как - то не пошла, и потому он крепко осел в своем имении «Орловка», занялся его укреплением и украшением.

Прежде всего Киреевский прочистил и расширил пруд, созданный его почтенным родителем. Протекавший здесь ручей с иностранным именем «Невада» нес воду чистую, как слеза – и в пруде вода этой чистоты не потеряла. Рыба, которую запустил в пруд помещик, была обычная – карп и карась, но в кристально - чистой водной массе красный карась и зеркальный карп казались совсем сказочными, когда на утренней или вечерней зорьке начинали свои рыбки игры.

А однажды смировские крестьяне, проходя мимо пруда, увидели в воде чудо, невиданное в этих местах, - пару черных лебедей, грациозно проплывавших около плотины. Как потом в селе рассказывали, помещик этих ручных лебедей откуда – то издалека привез, заплатив за них большие деньги.

Любил Николай Алексеевич стоять и у берега пруда и, бросая в воду кусочки белого хлеба, наблюдать, как не спеша, с достоинством, подбирают его лебеди.

Завел себе Киреевский и небольшую лодку, на которой регулярно совершал прогулки по своему водному богатству (часто с парой удочек).

Алексей Александрович, его отец, заложил было регулярный парк (по английскому образцу) на той же стороне, где стоял усадебный дом, но до конца дела не довел – умер.

Сын продолжил и это, высадив несколько сот разнообразных деревьев. Они составили три 200 метровых аллеи, выходившие к дому. Самая нижняя из аллей шла параллельно ручью, впадавшему в помещичий пруд. Уже через несколько лет «аглицкий парк», как называли его местные крестьяне, стал вторым (после пруда) местным украшением, появились в нем и грибы (с ягодами – то крестьяне были знакомы и так).

Глядя на двоюродного брата, живший в центре села Смирные Александр Киреевский, решил не отставать в деле преобразования природы. Причем ему для этого пришлось приложить большие усилия и затратить немалые средства, поскольку он решил создать не просто пруд, а целый комплекс, в центре которого местные крестьяне насыпали для него курган, а вокруг выкопали канаву глубиной в несколько метров. Из протекавшего рядом ручья провели отводную канаву, и вода наполнила все для нее приготовленное.

В результате образовался не пруд даже, а круглое озеро площадью около десятины, в центре которого расположился остров с построенной на нем красивой беседкой. К острову вел деревянный помост, заканчивавшийся деревянной лестницей, с которой и поднимались к беседке сам Александр Киреевский и его постоянные гости.

Когда все было готово (даже лебедей запустили в озеро, правда, не черных, а белых), пригласил Александр Николаевич своего брата из соседней «Орловки» – «Посмотри, каково!»

Приехал Николай Алексеевич, поудивлялся красоте (осторожно поинтересовавшись затратами), попил в беседке чаю с братом и уехал – свое, родимое, все же казалось ему милее. Брату он не позавидовал.

Так и жил, ведя хозяйство, занимаясь украшением природы, но затосковал вдруг сильно, и тоска эта долго не проходила. Знал Киреевский, в чем дело, потому что меланхолия злая посещала его время от времени, несмотря на постоянную занятость.

Четвертый десяток уже шел Николаю Алексеевичу, а хозяйки имения у него все не было. Ни одна из соседских помещичьих невест, как ни пытались они привлечь внимание непьющего, некурящего, хозяйственного Киреевского, не сумела покорить его сердце.

Богатые его не интересовали – Николай Алексеевич был натурой увлекающейся, романтической и (что для помещиков являлось большой

редкостью) доброй по отношению не только к людям своего круга, но и к крестьянам из соседнего села.

И вот однажды... Шел Николай Алексеевич от дома к пруду – на свое любимое место, искупаться перед сном на вечерней «зорьке» решил. Подходя к берегу, услышал вдруг плеск и энергичные шлепки по воде.

Разозлился помещик – кто это здесь на его месте развлекается? (Вообще – то, как я уже сказал, он был добрым человеком и разрешал в пруду своем купаться крестьянам села Смирные – в отличие от своего двоюродного брата, который как раз этого не позволял. Крестьянские дети с удочками иной раз тоже сиживали на берегу – Киреевский не прогонял их). Но тут – другое дело: место для купания было оборудовано по указанию помещика так, что подход к нему шел удобный, а потом сходни дощатые спускались прямо в воду – Николай Алексеевич частенько нырял с них.

Киреевский отодвинул рукой кусты и хотел было уже закричать, прогнав незванного купальщика, да так и замерла его рука, а приоткрытый рот не издал ни звука.

Спиной к нему на его помосте сидела девушка и свесив длинные волосы влево, к воде, чем – то их мыла. Уходящее за горизонт красное солнце осветило ее тело, и помещик чуть не вскрикнул от восхищения, а когда она встала и повернулась вполборота к берегу, Киреевский увидел ее лицо, плечи, грудь – и пропал!

Задохнувшись, он осторожно отпустил куст и услышал, как девушка бросилась в воду и поплыла – вразмашку, быстро, к противоположному берегу.

Николай Алексеевич понял, что она – из Смирных. Пару раз после этого он, как вор, наблюдал за нею из-за кустов, когда она приплывала сюда, но никак и ничем не выдал своего присутствия.

Как будто ненароком – к брату наведывавшись, побывал Киреевский в селе Смирные и узнал, что его купальщица – не девушка вовсе, а крестьянская жена Ольга Ловчикова и у нее двое детей (хотя и лет – то ей всего двадцать).

Известие об этом душевный жар Киреевского не затушило, а лишь усилило. Спустя неделю, чуть не напугав Ольгу до смерти и дав ей возможность одеться, Николай Алексеевич познакомился с чужой женой.

Обольщать помещик умел – данные для этого у него были как внешние, так и внутренние, недаром соседские помещичьи дочери мечтали о том, когда же он кого – то из них наконец выберет в качестве хозяйки имения «Орловка».

И вот наконец – то Киреевский нашел свою избранницу – такую, что уже через месяц о его романе узнали в уездном Малоархангельске.

Узнали и осудили, пробовали уговорить отказаться, стыдили. Безрезультатно.

Но если у Николая Алексеевича страдания были только моральные, то Ольгу муж несколько раз бил смертным боем. Но, вышедшая замуж по указке родителей, здесь она слушала только свое сердце, и поэтому – с синяками и шишками бежала к пруду, где ее уже ждал любимый барин Николай Алексеевич.

Однако и Киреевский просто путаться с чужой женой не собирался. Однажды он явился к Ольгиному мужу и предложил ему сделку – если он договорится в церкви и крестьянину Ловчикову разрешат развод, он, взяв в жены Ольгу Григорьевну, позаботится и о его детях, а мужу – в качестве компенсации – подарит десять десятин земли.

Сделка состоялась - хотя и не сразу. Три года ушло у Николая Киреевского на поездки – в Орел и Малоархангельск. Он сумел убедить всех, что Ольга Григорьевна – это его жизнь, много раз замаливал свой грех прелюбодеяния, стоя на коленях. Но, в конце концов, в Успенской церкви села Смирные, в присутствии всех местных крестьян, Киреевский обвенчался со своей любимой.

Двух детей Ольги Григорьевны Николай Алексеевич воспитывал как своих, а от большой любви родился у них вскоре общий сын Георгий.

Георгий вырос, женился и уехал куда-то в столицу. Хозяйкой имения «Орловка» стала после смерти мужа Ольга Григорьевна. К своим смирновским соседям, став барыней, она относилась, как и муж, по-доброму. Потому крестьяне ее уважали и любили.

Николай Алексеевич Киреевский скончался в 1907 году, и 10 лет – до революции – хозяйство вела его жена. Часть земель, испытывая финансовые затруднения, она продала во время Первой Мировой войны, сама же после революции куда-то уехала (может быть к сыну). Следы Ольги Киреевской затерялись в бурные годы революций и гражданской войны.

Когда хозяева помещичьего дома уехали, некоторое время в нем была трудовая коммуна – из пришлых людей, руководил которыми Семен Бондарев из соседней Новой Слободки. В конце 20ых годов, когда коммуна прекратила свое существование, в имение переселилось несколько семей из деревни Непочатой, где не хватало свободных земель.

Жить сообща в большом двухэтажном доме переселившиеся не захотели, и потому для постройки своих домов они разобрали двухэтажный дом Киреевских да вырубил часть деревьев в парке – так возник на месте имения «Орловка» населенный пункт с тем же названием. В 1932 году в нем уже проживало 165 жителей.

Сейчас в Орловке в девяти домах – 14 жителей, все пенсионеры. Отец одного из них – Кима Ивановича Заикина – был как раз в числе тех, кто переселялся из Непочатой сюда, в Орловку. А дом Заикина и до сих пор держится на тех, столетней давности бревнах из имения помещика Киреевского.

Сохранилась часть парка, аллеи которого подзаросли, но все-таки, если знать, где идти (а Ким Иванович Заикин, проживший здесь всю жизнь, знает – он-то и показал нам аллеи), они хорошо просматриваются. На месте помещичьего дома – только яма от фундамента, зато сохранился барский колодец с вкуснейшей питьевой водой (неподалеку от колодца и произошла встреча Николая Киреевского с Ольгой Ловчиковой). Этой водой пользуются жители Орловки и приезжающие сюда на отдых покровчане.

Всю же историю любви помещика к крестьянке рассказала мне старейшая жительница Орловки, к сожалению, уже умершая, Матрена Павловна Гревцева.

Многое в жизни она повидала и испытала. Когда началась война, и муж ушел на фронт, осталась Матрена одна с малолетними детьми. Немцы оккупировали деревню, где она жила тогда, выгнали ее из дома, и пришлось скитаться по подвалам. А во время освобождения сгорел дом (немцы сожгли его при отступлении) и несколько месяцев, не имея крыши над головой, ночевала Матрена Павловна в подвалах или просто под телегой – вместе со своими детьми.

Потом был тяжелый труд – копала, носила, косила – и все почти задаром. Только наладилась жизнь – дети выросли и разъехались, умер муж.

Нелегкую и длинную жизнь прожила Матрена Павловна Гревцева. И светлым пятном в памяти 85летней старушки осталась навсегда история любви помещика и крестьянки.

Рассказывала Матрена Павловна – лицо светилось, а подробности такие вспоминала, будто вчера все видела.

Имена помещика и жены его – крестьянки – подлинные, проверял я потом и удивлялся.

Такая вот история любви, похожей на сон.

P.S.

А Смирновский пруд сейчас – одно из любимых мест отдыха жителей Покровского района. Но приезжающие на его берега даже не догадываются, какая романтическая история произошла здесь более 100 лет назад.

Пусть прочтут этот рассказ и убедятся, что и на нашей орловской земле жили когда-то барышни-крестьянки и любившие их рыцари-помещики.

Легенды Никольской церкви

Эту почти мистическую историю, события в которой оказались растянуты во времени более чем на сто лет, рассказал мне пенсионер, ветеран труда из деревни Кромской Покровского района Леонид Терентьевич Гусев.

Вымирающая деревня, состоящая сейчас из девяти разбросанных далеко друг от друга домиков, называлась вначале Дворы Старые, а чуть позже у нее появилось другое имя – Кромская. Рядом с Кромской расположился еще один населенный пункт – Никольская. До начала 30-х годов XIX века эта была большая и зажиточная крестьянская деревня, в которой, по мнению местных мужиков, имелось почти все необходимое для нормальной жизни: хорошие земли, мельница, кузня. Не хватало только церкви.

И собрали тогда никольские мужики сход, пригласив на него жителей соседних деревень. Сход решил, что церковь нужна обязательно. Епархия дала разрешение, собрали средства для начала строительства, но возникла проблема с местом для церкви. Самое удобное, красивое и возвышенное было в деревне Кромской. Никольские мужики согласились на этот вариант, но в просторечии церковь, все-таки, называли никольской, а не кромской.

Неизвестный архитектор спроектировал замечательный, буквально парящий в воздухе храм, получивший имя Святого Архистратига Михаила. Когда строительство церкви близилось к завершению, сход мирян решил, что для такой красоты обычного креста на купол будет недостаточно. Решили отправить в Киев десять самых надежных и уважаемых мужиков, чтобы принести оттуда освященный крест для новоявленной церкви. Одним из десяти мужиков оказался прадед нашего рассказчика.

Подробности этого путешествия-паломничества скрылись за завесой времени, но известно, что тяжелый металлический крест никольские и кромские бородачи, постоянно меняясь, доставили к уже построенной церкви почти через год. Никому не доверяя, водрузили они святыню на купол.

Когда храм освятили, и приглашенный из Малоархангельска звонарь в первый раз ударил в новый колокол, все собравшиеся упали на колени и закрестились истово, с поклонами. Звон колокола Никольской церкви в тихую погоду слышен был за пятнадцать верст.

С батюшками новому храму везло с самого начала – настоящие ревнители веры Христовой служили в Михаило-Архангельской церкви, готовые всегда прийти на помощь прихожанам. Побывать в Никольской церкви, крест на куполе которой из самой Киево-Печерской лавры, стремились прихожане других храмов уезда и даже губернии.

В конце XIX века церковь перестраивали, но знаменитый крест оставили на новом куполе. Приход у храма был большой, имелось в нем два притча: два батюшки, сменяя друг друга, службу вели. В 20-е годы прошлого века веру в Бога у местных жителей поддерживали отец Леонид и отец Иван (*в миру – Леонид Алексеевич Семов и Иван Никитич Бессонов – А.П.*)

При Советской власти в первые послереволюционные годы Михаило-Архангельский храм действовал, как и до революции: так же несли сюда младенцев для крещения, так же венчались молодые пары и отпевали умерших. В начале 30-х годов, когда Советская власть развернула решительное наступление на остатки капитализма в стране, началась коллективизация в сельской местности, и стали повсеместно закрывать церкви.

В 1932 году отец Леонид и отец Иван крестили последних младенцев (среди них был и наш рассказчик). К концу того же года начались гонения на церковь, и оба батюшки, предчувствуя аресты, спешно уехали из Никольского. После этого следы священнослужителей затерялись где-то в больших городах, хотя слухи изредка доходили (по одному из них – отца Леонида расстреляли во время Великой Отечественной войны).

Без батюшек и прихожан церковь осиротела и некоторое время стояла закрытой. Ее судьбу решил, пользуясь покровительством начальства, председатель местного колхоза имени Ворошилова. На заседании правления было решено построить колхозную конюшню. Когда строительных материалов найти не удалось, председатель приказал разобрать церковь. Приказ вызвал волнение среди местных жителей, и они отказались крушить храм. Председатель долго уговаривал, убеждал и угрожал мужикам, пока не нашел первых добровольцев.

Одним из храбрых оказался родной дядя нашего рассказчика Иван Афонин. Он взобрался на купол и несколько часов усердно трудился, выковыривая и выпиливая крест из гнезда, в которое сто лет тому назад поставил этот крест его родной дед. Пару раз Иван едва не сорвался, но, пересиливая себя, все же сумел расшатать крест, потом привязал к нему длинную толстую веревку. Десяток стоявших внизу крепких мужиков дергали крест до тех пор, пока он не упал на землю, издав странный болезненный звук, от которого вздрогнули и закрестились испуганные мужики.

Председатель колхоза приказал сбросить колокола, а потом разобрать кровлю. Когда дошла очередь до церковных стен, выяснилось, что кирпичи – главное, для чего разбирали храм – взять

почти невозможно. Только отдельные из них удавалось отделить друг от друга, да и то ценой немислимых усилий. Большинство же спрессовалось намертво, поэтому приходилось крушить стены, превращая кирпичную массу в щебенку.

Сброшенные колокола и освященный в Киеве крест погрузили на телеги и отвезли в Малоархангельск. По пути с одной из подвод пропал колокол. Лишь перед самой войной обнаружили его в соседней деревне, где до 80-х годов колокол висел на большой раките – местные жители использовали его как пожарный.

Иван Афонин, который начал крушить храм, уехал в Сибирь. Долго о нем никто ничего не слышал, но в 1953 году он приехал в родные места. Во время Великой Отечественной Иван воевал, пока не был тяжело ранен. Своему племяннику Леониду Гусеву он сказал: «Вот, племяш, видишь, ногу в госпитале отрезали. Думаю, что это наказание Божие за грехи мои. Молод был, глуп».

Обломки, битый кирпич Никольского храма в послевоенные годы использовали при заливке фундамента Кромской школы, которую построили в пятидесяти метрах от разрушенной церкви. Школа эта полностью сгорела в 1988 году. Через восемь лет перестроенная школа сгорела еще раз. Пожар уничтожил Никольский медпункт, в двух семьях живьем сгорели дети. Кто-то скажет: случайность. Кто-то подумает: кара Божья!

P.S. До революции на территории Покровского района действовало 22 храма: 19 из них стерты с лица земли, три полуразрушены и бездействуют. А единственный старинный колокол, чудом сохранившийся из всех колоколов 22 церквей района, хранится в настоящее время в музее поселка Покровское.

О Топковской больнице

Малоархангельское уездное земство с самого начала своего существования большое внимание уделяло здравоохранению на территории нашего края. В XIX веке его усилиями были открыты Дросковская и Покровская земские больницы.

С течением времени число лечебных заведений, построенных земством на территории края, увеличилось, поскольку нужда в этом была значительная. 4 января 1901 года при селе Топки Верхососенской волости был открыт приемный покой пятого медицинского участка (врач и два фельдшера). А после того, как местный купец Ильинский пожертвовал две десятины земли под строительство больницы, она и была открыта к 1910 году, успешно отработав до начала революционных событий почти 10 лет.

Земские больницы как лечебные учреждения сумели сохраниться и в послереволюционный период. На территории современного Покровского района все годы Советской власти (кроме военного лихолетья) и некоторое время уже при новой России существовали Покровская и Дросковская больницы, Топковская и Столбцецкая участковые больницы. Они выполняли свои функции по охране здоровья местного и довольно многочисленного населения. В этих больницах работали умелые и заботливые врачи. Однако в последнее время, в условиях медленного вымирания российской и орловской, в частности, деревни, наше государство решило, что в прежнем статусе сельские больницы теперь не нужны: лечить-то в них почти некого.

Министерство здравоохранения и социального развития разработало нормативы по числу пациентов на лечебные заведения, на основании которых участковая больница в селе Топки была реорганизована первоначально во врачебную амбулаторию, а потом – в ФАП (фельдшерско-акушерский пункт) с одним медработником. При этом одно из старинных зданий Топковской больницы передали под нужды учреждения социальной защиты – Топковского Дома ветеранов. Он просуществовал несколько лет, пока в августе 2011 года не сгорел при пожаре. Второе здание пока цело, но пустует, потому что и ФАП в Топках теперь закрыт.

Революционер и основатель Красной Гвардии Тихон Бондарев

Тихон Бондарев родился в 1871 году в семье крестьянина деревни Новая Слободка. В 1885 году он уехал в Ростов-на-Дону, где устроился работать сначала у купца, а затем в железнодорожных мастерских. Здесь он познакомился с запрещённой литературой и революционерами, а в 1889 году он стал членом марксистского кружка.

В 1897 году, после окончания службы, он возвратился в Ростов-на-Дону, а в 1898 году стал одним из первых членов только что созданной партии – РСДРП.

В 1903 году, из-за участия в Ростовских антиправительственных демонстрациях, вынужден был скрываться от полиции, поэтому переехал в Луганск. Там работал на паровозостроительном заводе Гартмана. После раскола в РСДРП Тихон Лаврентьевич выбрал сторону большевиков.

В 1905–1907 годах, в период первой русской революции, Бондарев проводил революционную агитацию среди рабочих Луганска, организовывал забастовки на рудниках и заводах, создавал боевые дружины. В это время он познакомился с известным в будущем

партийным и советским государственным деятелем – Ворошиловым К. Е., и стал одним из руководителей Луганской большевистской организации. Здесь он впервые был арестован и попал в тюрьму.

В начале февраля 1917 года Бондарев Т.Л., в числе других руководителей большевистской организации города, был арестован, но через месяц выпущен на свободу. Сразу после этого на городской партийной конференции, Бондарева Т.Л. избирают в состав Екатеринославского комитета РСДРП(б), а в апреле 1917 года Тихону Лаврентьевичу поручается организовать Красную гвардию.

Во второй половине декабря 1917 года по приказу В. А. Антонова-Овсеенко – командующего Советскими вооруженными силами на юге страны, Бондарев Т. Л. направляется в распоряжение штаба фронта. Далее он принимает участие в разгроме войск Каледина и Центральной Рады, а позже - в организации отправки эшелонов с украинским хлебом для голодающих рабочих Петрограда и Москвы.

В начале 1918 года у Советской власти в Орловской губернии сложилось трудное положение. Для помощи орловским большевикам и организации практической работы, ЦК РКП(б) направил группу опытных членов партии, в состав которой вошёл и Бондарев Т.Л. Так начался семилетний период в жизни Тихона Лаврентьевича на родной орловской земле.

Уже в первые недели своего пребывания в Орле, на втором губернском съезде Советов, Тихон Лаврентьевич избирается в состав исполкома Совета и его Президиума. Во время оккупации Украины немцами в 1918 году в город Орёл переехал ЦК КП(б) Украины. По его просьбе Бондарев Т. Л. занялся подготовкой руководящих кадров для подпольной работы на территории оккупированной Украины, переформированием продотрядов в регулярные части Красной Армии и отправкой их на Южный фронт.

Однако хватало чрезвычайных дел и в Орловской губернии. В советской России была введена продразверстка. Бондарев Т.Л. организует её исполнение на орловской земле, а затем участвует в создании социалистических сельскохозяйственных предприятий – коммун и артелей. В сложное для советской власти время, отмеченное саботажем на местах, ростом дезертирства из армии и бандитизмом на территории губернии, важная роль в наведении порядка отводилась губернскому Ревтрибуналу. В это время Бондарев Т.Л. назначается на должность председателя следственной комиссии Орловского губернского Ревтрибунала.

В 1923 году Бондарев Т.Л. был избран председателем губернской партийной контрольной комиссии, а в 1924 году переходит на

хозяйственную работу. Его назначают директором колбасной фабрики в Орле, руководство которой, незадолго до этого было приговорено к расстрелу за хищение социалистической собственности.

В конце 1925 года Бондарев Т. Л. возвращается в Екатеринослав. Здесь он работает в губернском комитете ВКП(б) и губисполкоме. Был членом партколлегии Днепропетровского окружкома партии (1929 год), директором Днепропетровского музея революции (1930–1931 годы).

В 1931 году Тихон Лаврентьевич распоряжением К.Е.Ворошилова, соратника по революционной деятельности в Луганске, вызывается в Москву. Здесь он работает членом партколлегии Бауманского райкома ВКП(б).

В 1933 году Т. Бондарев становится персональным пенсионером союзного значения. Далее он активно занимался общественной работой, стал членом Всесоюзного общества старых большевиков, работал комиссаром в пионерских лагерях. Когда в 1934 году было учреждено звание и знак «Ворошиловский стрелок», Бондарев Т. Л. участвовал в создании клуба «Ворошиловский стрелок» в Бауманском районе Москвы, а далее работал в стрелковом клубе инструктором, обучая школьников, членов клуба, приемам стрельбы.

За заслуги в установлении Советской власти на Украине и в ознаменование десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и десятилетия установления Советской власти в Екатеринославе, постановлением Всеукраинского ЦИКа от 3 января 1928 года Бондарев был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За героизм, проявленный в годы гражданской войны, и в ознаменование десятилетия Рабоче-Крестьянской Красной Армии приказом РВС СССР № 101 от 23 февраля 1928 года был награжден Орденом Красного Знамени.

Тихон Лаврентьевич Бондарев умер 27 июля 1941 года, похоронен в Москве. Его имя носит улица в Ленинском районе города Днепропетровска (бывший Екатеринослав).

***Из справки по мелиоративно-гидро-геологическому
обследованию района Курской области
(по сведениям на июнь 1935 года)***

Топковский сельсовет расположен на юго-запад от районного центра Дросково на расстоянии 18 км. и граничит на востоке с Смирновским, на севере – с Ивановским, а юге и западе - с Малоархангельским

районом. В состав сельсовета входят 4 сельхозартели, с общей площадью 4? га,

а именно: им. Фрунзе (Лутовинова, п.Желудовка, п.Куликовка)
им. Иванова (1-ые Топки, 2-ые Топки, Акулиновка, п.Разувай)
«Красный ударник» (п.Топковские Выселки, п. Приволье)
и им.Ворошилова (Новая Слободка, Светлый Колодезь)

Площадь сельсовета изрезана балками, идущими в различных направлениях, большей частью хорошо задернёнными, в которых имеются ручьи. В целом вся территория сельсовета довольно ровная. Наивысшая точка над уровнем моря – деревня Слободка, находится на высоте 242, 918м, а наименьшая высота – уровень ручья Топки – 204, 041м. Озёр и болот на территории сельсовета нет, но, тем не менее, почти во всех балках и низких местах имеются торфяники, иногда значительной площади и мощности торфа, как, например, торфяник при посёлке Приволье, где торф выработывался ежегодно в довольно значительном количестве для нужд местной промышленности (винзаводов). Но теперь торф выработывается населением на топливо.

Другое довольно обширное, разрабатываемое в данное время промкооперацией торфболото «Ильинское» находится на границе со Смирновским сельсоветом. Торф как там, так и в других торфоболотах, хорошего качества, средней плотности. Мощность пласта в болоте «Ильинское» достигает 5 метров.

По остальным балкам также имеются заболоченности. Прудов на территории сельсовета насчитывается только два, построенных в последние годы. Это пруды в колхозах «Красный ударник» (1935г) и им. Ворошилова (1934г). На территории сельсовета речек нет, но есть значительные ручьи.

Водоснабжение по колхозам рисуется в следующем виде:

колхоз имени Иванова – 4 родника и 27 колодцев,
«Красный ударник» - 4 родника и 35 шахтных колодца.
имени Фрунзе – 4 родника и 15 колодцев,
имени Ворошилова – 4 родника и 17 колодцев.

Кроме того, как уже сказано, в колхозе «Красный ударник» один пруд, которым пользуется и часть населения колхоза имени Иванова, и пруд в колхозе имени Ворошилова.

Овраги и балки

№	Название балки или оврага	К бассейну какой реки принадлежит права или слева
1	Островки	
2	Переезд	

3	Горелки	
4	«Мосток» и Верх Топковских болот	
5	«Низ «(Кустарник) Болото Ильинских (низ)	
6	Нижняя часть Подкуликовки	Справа «Кустарника»
7	Ляточка, низ	-----
8	Камышки	Слева «Кустарника»
9	Поповка	
10	Ляда	
11	Попов верх	
12	Грачевник	
13	Подграчевник	
14	Прутки	
15	Моисеева лощина	
16	Большая лощина	
17	Белое Болото	
18	Головище	
19	Заказ	
20	Под Куликовкой	
21	Под Чупака М.И.	
22	Под больницей	

***Список расстрелянных во время оккупации (1941-1943гг.)
мирных жителей***

Топковский сельсовет

Село Топки

Дрогайцев Андриан Дмитриевич – учитель Топковской школы.
Дрогайцев Василий Владимирович – секретарь Топковского
сельсовета.

Лаврищев Илларион Иванович.

Сергеев Иван Лукьянович.

Шалимов Николай Дмитриевич.

Деревня Лутовинова

Ларина Мария Андреевна.

Ларин Иван Семёнович.

Архипова Устинья Петровна.

И другие.

Село Никольское

Ефремов Никита Митрофанович, председатель колхоза «Пятилетка».
Арнаутова Евдокия Константиновна, депутат Смирновского сельсовета.

Сосина Елизавета Михайловна – учительница.

Давыдов Фёдор Николаевич – агроном.

Братья Афины

Братья Иван и Константин Афины, работавшие до войны учителями в Верхососенье и Грачевке, но являвшиеся жителями села Никольское, также передавали нашему командованию разведанные. Они были схвачены фашистами и расстреляны. В Никольском было много казнено фашистам местных жителей – и большинство у так называемых Акуловых ям.

В Прилепах В.Д. Старых скрывал от фашистов офицера Красной Армии, помог ему перебраться через линию фронта. В этой же деревне С.Д. Ловчикова спасала раненого разведчика.

Как в Покровском районе железную дорогу пытались построить

Покровский район – один из тех районов области, по территории которых не проходят железные дороги. Так уж сложилось исторически, что строившиеся во 2-ой половине 19 века дороги эти несчастливо обогнули и сам райцентр, и другие населенные пункты края.

Наши соседи – Свердловский, Залегощенский, Верховский, Ливенский, Колпнянский, Малоархангельский районы – все без исключения – вот уже более 100 лет пользуются преимуществами железных дорог для развития экономики своих регионов, а мы, покровчане, только с завистью наблюдаем, как грузится их продукция в вагоны и увозится туда, куда нужно – быстро, экономично, без многочисленных перегрузок из одного вида транспорта в другой.

Страдальцы – студенты, возвращаясь по воскресеньям на учебу в областной центр и провожая взглядом переполненные автобусы, в которые они так и не смогли втиснуться, с «черной завистью» думают: «Вот если б у нас была железная дорога – никаких проблем и никаких мучений мы не имели бы: в поезде всегда несколько вагонов, в каждый из которых может вместиться народу больше, чем в любой автобус».

Руководители сельхозпредприятий, вынужденные во время каждой уборочной отправлять десятки водителей в трудные рейсы на чужие элеваторы, всякий раз мечтали: «Как хорошо было бы иметь свое

зернохранилище!» Но их хрустальные мечты рушились уже второй мыслью: «Нет элеваторов без железной дороги».

В общем, каждый покровчанин хоть раз, да говаривал: «Эх, ну почему у нас нет...?»

Вероятно, нечто похожее, но с разными нехорошими эпитетами в адрес глупых русских, вырывалось из глоток фашистских вояк, когда они познали на собственных шкурах все прелести российского бездорожья на примере оккупированных ими поздней осенью 1941 года Покровского и Дросковского районов.

Устанавливая свой «новый порядок» и желая как можно быстрее и надежнее вывозить в Германию добро, отобранное у покровчан, немецкое начальство зимой 1942 года решило построить железнодорожную ветку там, где ее никогда не было – от поселка Колпна до станции Змиевка. Большая часть этой дороги должна была проходить по территории как раз Покровского района.

Если посмотреть на современную карту Орловской области и провести прямую линию от Колпны на Змиевку, то она пройдет между двумя существующими в настоящее время шоссейными дорогами: Колпна – Дросково – Покровское – Змиевка и Колпна – Малоархангельск – Глазуновка – Змиевка.

Именно так (правда, не совсем по прямой) и должна была пройти железная дорога, задуманная немецкими транспортниками. Общая ее длина составила бы 70 километров, и чуть меньше половины из них приходились на территорию Покровского и Дросковского районов (эти районы существовали самостоятельно вплоть до 1962 года).

С конца апреля 1942 года вдоль намеченной дороги началась работа. Все трудоспособные взрослые жители и подростки 15-18 лет под присмотром старост и полицейских каждое утро являлись к отмеченному полотну и получали от гитлеровских инженеров лопаты и норму на день.

Чтобы выполнить эту норму, нужно было ударно потрудиться не менее 10 часов с коротким перерывом.

В зоне железной дороги в нашем крае оказались населенные пункты Топки, Лутовиново, Соединитель, Верхососенье. И почти шесть месяцев весны, лета и осени 1942 года население этих сел и деревень до кровавых мозолей трудилось на постройке железнодорожной насыпи, достигавшей 10 метров в ширину и около трех метров в высоту (на низменных участках).

Иногда приходилось, по планам немецких строителей, наоборот, углубляться в землю там, где холмы были чересчур высоки для железнодорожного полотна.

На территории Покровского района – от его границы с Колпнянским до выхода из села Верхососенья, то есть примерно на протяжении 15 километров, к зиме 1942-43 г.г. земляная насыпь была почти полностью готова. Через ручей Топкий Ржавец (у деревни Ломатовка) и через реку Сосна (в центральной части Верхососенья) немецкие саперы перебросили два капитальных, металлических моста. Начался и завоз шпал, да помешала начавшаяся зима.

А уже в феврале 1943 года большая часть Дросковского и Покровского районов была освобождена от фашистов в ходе нашего наступления, развернутого войсками 48-й Армии в направлении на Змиевку.

Так немецкие замыслы по строительству дороги Колпна – Змиевка оказались похороненными. А нашим солдатам и местным жителям – тогда, сразу после освобождения, было не до этой немецкой дороги, тем более, что воспоминания у покровчан о труде на ее строительстве остались не самые лучшие.

И потому уже до лета 1943 года мосты были разобраны. Металлические части потребовались военным, а деревянные пошли на дома местным жителям. А вот железнодорожная насыпь местами видна и сейчас, спустя уже 60 с лишним лет.

Особенно хорошо заметна та часть, что выходит к реке Сосне в центре села Верхососенья – там, где был когда-то второй мост.

А в остальном о первой попытке строительства железной дороги на территории Покровского района остались только воспоминания. Ими и поделились со мной некоторые старожилы района, в частности, Николай Прокофьевич Касьянов (он живет рядом с той немецкой несостоявшейся дорогой, на самой окраине села Верхососенья) и Александра Матвеевна Леонова из села Федоровка.

В 70-80 годы 20-го века по поводу строительства очень нужной Покровскому району «железки» было много разговоров, но до дела так и не дошло.

К началу 90-х наметился сдвиг в решении вопроса, согласовали все вроде бы даже с Москвой. Железнодорожная ветка длиной около 40 километров должна была пройти от станции Русский Брод до райцентра Покровское.

Радостные слухи распространились тогда по району, но наступил 1991 год – рухнул Советский Союз. В 92-ом, как и после освобождения, уже стало не до железной дороги.

А как бы она нам сейчас пригодилась!

Как освобождали село Топки

Материал, с которым вы, читатели, сейчас познакомитесь, не предполагался для печати. Он был направлен в адрес тогдашнего председателя областного Совета ветеранов войны и труда Н.П.Русанова. Я не знаю, получил ли автор письма ответ на своё послание, поскольку спросить сейчас уже некого: уроженец села Топки, инвалид и ветеран труда Виталий Васильевич Дрогайцев скончался 27 февраля 2008 года.

Я не был лично знаком с ним, но слышал, что он когда-то работал в районной газете, а его стихи, публиковавшиеся на страницах этого же издания, всегда пользовались вниманием читателей. Последнее из стихотворений Виталия Васильевича появилось в «Сельской правде» всего лишь за два месяца до скоростижной смерти автора.

История, которая волновала ветерана и по поводу которой он дважды звонил мне по телефону, достаточно трагична, и касается она первых боёв за освобождение села Топки. Подтверждение многим эпизодам описанного в письме В.В.Дрогайцева я нашёл позже в книге историка Е.Е.Щекотихина и при опросе других жителей села Топки.

Я не буду приводить письмо Виталия Васильевича полностью, а процитирую из него самые существенные моменты, чтобы показать: освобождение населённых пунктов Покровского района далось Красной Армии большой кровью.

«21 ноября 1941 года, как говорят, в 10 час.30 минут утра в нашу часть села вошёл первый отряд немцев (я буду стараться соблюдать всюду далее стиль автора, внося, по мере необходимости, отдельные правки – А. П.).

В начале февраля 1943 года в соседнюю деревню Новосёлки (Колпнянского района – А. П.) вошёл пехотный батальон Красной Армии с целью освобождения нашего села от оккупации. Деревня, где остановился батальон, находится от нас на расстоянии 4-5 км в южном направлении. На всём пространстве между нашими населёнными пунктами не было ни кустов, ни оврагов, ни речек, - только ровное, покрытое белым снегом, поле.

Наверное, через день, две роты батальона рано утром цепью пошли в направлении нашего села. Я не знаю, глубоким или нет, был тогда снег, главное, на белом снегу они все были видны, как на ладони.

Наверное, до южной окраины нашего села им оставалось пройти меньшую часть пути, но ударили пулемётные очереди.

Лет 7-8 назад я спросил у человека, который жил в городе, но был родом из нашего села, я спросил, помнит ли он тот бой? «Конечно,-

сказал он, - мне было 13 лет». Говорю: «Что-то я нигде не видел следов от немецких окопов?» «А их не было,- ответил он, - было всего два или три окопа на том конце за нашим домом («концом» у нас называли длинный, одиночный ряд домов, растянувшийся по-над речкой в сторону поля и соседней деревни Вороново). «Вся стрельба была в поле»,- добавил он.

Поскольку в разговорах назывались разные цифры погибших, я спросил у человека 1924 года рождения, участвовал ли он, в числе других, в собирании погибших. Он сказал: «Да». Говорю, сколько всего было погибших? 450.

Дело в том, что третья рота из деревни Новосёлок пошла с западной стороны. Они должны были с запада обойти наш посёлок Приволье (от нас приблизительно 4 км.), дойти до крайнего дома на северо-востоке деревни Хмелевое и от этого дома, по дороге Хмелевое – I Топки войти в наше село метров на 700-800 севернее нашей южной окраины. Но рота подошла к крайнему с восточной стороны дому посёлка Приволье. И вместо дороги Хмелевое – I Топки от этого дома пошла по дороге Приволье – II Топки.

Человек 1924 года рождения, собиравший погибших, говорил, - мы смотрели и измеряли: немцы отмерили от южной окраины села, в южном направлении, в поле (в сторону д. Новосёлки) по 500м. и насыпали в этих местах кучки снега. И за этими кучками ставили свои пулемёты. Таких, сказал он, было 12-14 мест.

Говорили, что от юго-западного угла окраины по западной стороне тоже было 2 пулемёта и, вроде, 45мм орудие. Наверное, на южном поле была уже стрельба, третья рота шла по дороге Приволье – II Топки колонной и, выйдя на те же пулемёты, так и осталась лежать вдоль дороги.

Как-то, подумал я,- и что они могли сделать: у них в дисках ПППШ - пистолетные патрончики, а пулемёты били винтовочными намного дальше. А белые кучи снега на белом фоне тоже были незаметны.

Человек, который сказал, что на то время ему было 13 лет, говорил, что под этот день, когда погибли 450 человек, по нашему селу бегал подросток лет 14-15 из деревни Новосёлки, где остановился наш батальон, и всё спрашивал, где ему найти переводчика-то? Ну пойми, - ответил он,- если бы он начал говорить немцу, немец ничего бы у него не понял, и он немца тоже. А переводчик знает русский язык. Когда батальон расквартировался в той деревне, утром заговорили, что в одном доме погиб 19-летний боец. Сказали, что он чистил автомат, который нечаянно выстрелил. Это была первая жертва батальона. Его похоронили там же, в колхозном саду. Говорят, местные женщины на

День Победы ходили, чтобы постоять и погоревать около одинокой могилки.

О количестве погибших я спрашивал и у женщины, Кутеповой Анны Афанасьевны, которая, как я слышал ещё в детстве, не только собирала погибших, но и лично укладывала их в общую братскую могилу. Горохов Михаил Егорович, примерно 1906 г.р., житель села I Топки, тоже участвовал в собирании и захоронении погибших, тоже назвал 450 человек. Он мне рассказал такой эпизод, что ближе всех к юго-западной окраине с. II Топки он видел двоих: на снегу сидела очень молоденькая, лет 17-18, девушка, с санитарной сумкой на боку, рядом с ней лежал молодой боец. Его голова была у неё на коленях, и она забинтовывала его раненую голову и сама застреленная в голову, склонилась на этого парня.

Из батальона в живых не остался никто. Человек 1924 г.р. говорил, что на поле, где были две роты, погибшие лежали группами по 4-5 человек, может, они так и шли, чтобы поочередно прокладывать след? Он говорил, что с этого поля с утра и до 3-4 часов дня была слышна только стрельба и непрерывный крик: «А-а-а-а-а».

И что от группы к группе на снегу выкладывался виляющий след узких гусениц. А я ещё раньше слышал, что в кустах у немцев были укрыты два лёгких танка.

Всех погибших похоронили в одной общей братской могиле. За исключением, как говорили, трёх главных командиров. Я полагаю, - командира батальона, комиссара и начальника штаба. Примерно в 70 метрах от общего захоронения стояло кирпичное здание нашей начальной школы. Когда в ней жили немцы, там случился пожар, всё деревянное выгорело, но стены стояли. Территория школы со всех четырёх сторон обнесена рвом. На этой территории, с восточной стороны, выкопали рядом три одиночных могилки, в них и определили трёх старших офицеров. При их захоронении был митинг. Было видно полковое начальство. Один офицер, выступая, сказал: «Брат, мы шли с тобой от самого Бреста. В какие переделки мы только не попадали. Как же ты мог так ошибиться?»

P.S. В книге известного орловского военного историка Е.Е.Щекотихина «Моряки-тихоокеанцы в битве за Орёл» (Орёл, 2001) я нашёл подтверждение описанным Дрогайцевым событиям:

«Такой же отчаянный отпор от противника получила наступавшая на Топки 399-я стрелковая дивизия. Имея задачу силами двух полков выйти к селу Верхняя Сосна, части дивизии в ночь на 11 февраля начали наступление на Вторые Топки. Лыжный батальон, как наиболее подвижное подразделение, прошёл в тыл к немцам и овладел северной

окраиной Первых Топков. Завязался ожесточённый бой. Батальон не был своевременно поддержан стрелковыми подразделениями и попал в окружение. Героически отбиваясь от наседавшего со всех сторон противника, потеряв до 75% личного состава, лыжники вырвались из вражеского кольца и вышли к исходу дня к Новосёлкам. 12 и 13 февраля, также безуспешно, полки 399-ой дивизии пытались овладеть Топками и только к концу дня 14 февраля это им удалось».

Из приведённого отрывка становится ясно, что не все бойцы попавшего в тяжёлое положение батальона 399 стрелковой дивизии погибли тогда (да местные жители и не могли это знать точно – просто погибших действительно было много: Зинаида Илларионовна Дрогайцева, жительница Топков, ветеран войны и труда, в разговоре со мной, сказала, что она лично участвовала в захоронении погибших бойцов в течение трёх дней, но после этого сбор погибших на поле между Топками и Новосёлками продолжался ещё не один день – А.П.).

Бои у села Топки, пожалуй, самая трагическая страница февральской наступательной операции Красной Армии на территории Покровского района. Об этом надо помнить и чтить память наших погибших бойцов и командиров.

О немецких шпионах в деревне Жигачёвка

(из книги М.Г. Паджева «Через всю войну») (Записки пограничника), изд-во «Политическая литература», Москва 1972 г, страница 259-260)

«Отходя, враг оставлял в нашем тылу свою резидентуру. Приходилось выявлять и ликвидировать ее. Обезвреживали пограничники, шедшие вслед за наступающими войсками, и пособников врага, не успевших удрать или по каким-то причинам задержавшихся на освобожденной территории. В мои руки попало одно из донесений командования войск по охране тыла Брянского фронта, на участке которого приходилось выполнять задачи и пограничникам нашего полка.

23 февраля 1943 г. с занятием частями Красной Армии Малоархангельска был задержан агент немецкой разведки «Ф», оставленный на оседание в этом городе с задачей добывания сведений о концентрации в районе указанного города частей Красной Армии и продвижении их к фронту. Для связи с немецкой разведкой и передачи сведений шпион имел портативную радиостанцию.

4 марта сего года в д. Жигачевка Дросковского района Орловской области была вскрыта шпионская резидентура «ГФП» (тайная полевая полиция – исполнительный орган военной контрразведки в

действующей немецкой армии), возглавляемая резидентом «Х», из пяти человек. Эта резидентура была оставлена немцами при их отступлении из Дросковского района с задачей сбора сведений о концентрации и продвижении частей Красной Армии на курском направлении.

В соответствии с директивой главной квартиры командующего немецкими войсками на Восточном фронте гитлеровские оккупационные власти использовали в период оккупации в качестве ставленников и пособников немецкого фашизма бывших белогвардейцев, националистов, кулаков, изменников Родины, уголовников и антисоветский элемент. Это отребье в той или иной мере помогало тайной полевой полиции, жандармам, местным комендантам получать разведывательные данные о прифронтовой полосе, изыскивать необходимые ресурсы для германской армии, выявлять коммунистов, партизан, семьи военнослужащих Красной Армии.

Приходилось выкорчевывать всю эту нечисть. Были и другие встречи. С нашими советскими людьми, что, оставаясь на временно оккупированной территории, не пошли в услужение к врагу, а действовали, как подсказывали им совесть, сердце советского патриота. Мы встречались с партизанами, подпольщиками, партийными и комсомольскими активистами, которые по своей доброй воле, как могли, боролись с врагом, не страшась смерти».

Жизнь – за Севастополь! (Герой Советского Союза Иван Дубинин)

9 мая – дата для города русской воинской славы Севастополя и его жителей особая, двойная: севастипольцы не только, вместе со всей Россией, отмечают в этот день Победу в Великой Отечественной войне, но и празднуют освобождение города от немецко-фашистских захватчиков.

Вначале, читатель, история.

Ранним утром 9 мая 1944 года от скалистого берега Северной бухты Севастополя отчалила небольшая лодка. В ней находились лейтенант Александр Земков и пятеро бойцов его сапёрного взвода 70-го гвардейского стрелкового полка 24-ой гвардейской стрелковой дивизии полковника Колесникова.

Этому небольшому десанту, состоявшему из добровольцев, как и двум другим из соседних полков, была поставлена командованием сложная, почти невыполнимая, смертельно опасная задача: переправиться через полуторакилометровый залив на его противоположную (южную) сторону,

занятую гитлеровцами, закрепиться там, а затем вызвать на себя огонь артиллерии противника, чтобы наши артиллеристы сумели засечь фашистские батареи и уничтожили их до начала наступления основных сил 2-ой гвардейской армии.

Дело в том, что эта армия под командованием генерала Захарова (по первоначальному плану) не должна была участвовать в штурме Севастополя, ей отводилась вспомогательная, отвлекающая роль. Но в силу сложившихся обстоятельств – своих удачных действий и отчаянного сопротивления гитлеровцев на главном направлении - 2-я гвардейская вышла на подступы к городу раньше других армий 4-ого Украинского фронта. Перед полками 2-ой гвардейской, сразу за Северной бухтой, открылась панорама Севастополя. Командующий 4-ым Украинским фронтом генерал Толбухин дал «Добро» на участие армии в штурме Севастополя. Но переправляться на виду у противника, под его непрерывным артогнём, на вспомогательных плавсредствах (а других просто не имелось, поскольку не ставилась первоначально перед армией задача освободить город) было просто безумием. Вот тогда-то и родилась мысль послать вначале на ту сторону десанты.

Шлюпка под прикрытием темноты благополучно миновала середину пути, когда гитлеровцы заметили её и открыли ураганный огонь. Лодку от тяжелых столбов воды, поднимавшихся со всех сторон, кидало, как щепку.

Гвардейцам повезло, и через несколько минут отчаянной работы веслами они оказались уже в не простреливаемом из-за крутого берега пространстве, а вскоре шлюпка уткнулась носом в бревна разбитого причала.

Быстро выбравшись на берег и выгрузив коробки с патронами и ящики с гранатами, командир группы и его бойцы осмотрелись.

Вдоль берега шла железнодорожная ветка, на одном из путей стояло несколько разбитых вагонов. Впереди чернела глубокая воронка от тяжелой авиабомбы, а слева высокой грудой лежали железнодорожные шпалы.

Бойцы Висовин и Соценко заняли позицию возле них, Дубинин с Романовым – у вагонов на путях, а сам лейтенант Земков залег у края воронки, установив между камнями ручной пулемет.

Немцы выскочили прямо на позицию Земкова. Очереди лейтенанта из ручного пулемета и автоматные – Дубинина и Висовина с флангов уничтожили более десяти фашистов сразу.

А потом началось то, ради чего замышлялся десант: немецкие пушки и минометы открыли по гвардейцам такой плотный огонь, что разрывы снарядов и мин слились в один сплошной грохот.

Вжавшиеся в землю десантники заметили вспышки орудийных выстрелов с нашего берега – заработала артиллерия 2-ой гвардейской армии, начавшая бить по вражеским позициям.

Когда немецкий артобстрел закончился, на склоне высоты показались гитлеровцы. Их было не меньше роты. Атаку пришлось отбивать гранатами. Потом был второй, не менее жестокий, артобстрел – и третья атака. Еще артобстрел – и четвертая атака. И каждый раз, оставляя на склоне высоты десятки убитых, гитлеровцы отползали обратно.

Почти все десантники были ранены. Во время второго артобстрела засыпало землей и контузило Ивана Дубинина и Якова Романова. Товарищи вовремя пришли на помощь, откопали и привели в себя Дубинина, а Романова посчитали мёртвым. Но с началом третьей атаки гитлеровцев Яков пришёл в себя и сумел в очередной раз защитить спины друзей от зашедшего им в тыл неприятеля.

Десантники должны были продержаться полтора часа. Они продержались три...

Когда спустя три часа основные силы 24 гвардейской дивизии начали переправу через Северную бухту, артиллерия противника ей почти не мешала, поскольку была практически полностью подавлена: десанты свою роль сыграли.

О подвиге гвардейцев, которые первыми начали бой в Севастополе, рассказала вскоре дивизионная газета, а политработники 2 гвардейской армии их примером вдохновляли на подвиги новых героев.

Всем членам десантной группы: Александру Земкову, Якову Романову, Константину Висовину, Александру Соценко и Ивану Дубинину указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

На месте боя гвардейцев вначале была установлена скромная деревянная пирамида, а позже на их могиле установили мраморную мемориальную плиту, которая увековечила подвиг десантников.

Казалось бы, на этом должна и завершиться история подвига, но остались в ней некоторые неясные моменты.

Ты вправе спросить, читатель, откуда стали известны подробности боя гвардейцев-сапёров, если все они погибли?

Да, извещения о героической гибели десантников были отправлены их родственникам. К примеру, отец командира группы – Фёдор Яковлевич Земков, проживавший в Саратовской области, получил письмо из части: «Ваш сын, гвардии лейтенант, командир сапёрного взвода Земков Александр Фёдорович, убит 9 мая 1944 года при форсировании Северной Севастопольской бухты».

Однако весной 1945 года лейтенант Александр Земков подал о себе весть. Контуженный в последней атаке и потерявший сознание он, оказывается, был захвачен в плен, перевезён уходившими из Севастополя немцами в Румынию, откуда, едва поправившись, вскоре бежал и воевал вновь – уже в составе другой воинской части. Благодаря Александру Фёдоровичу и стали известны подробности того героического боя за Севастополь 9 мая 1944 года. А писатель – фронтовик Александр Вольф, в середине 80-ых годов XX века встречавшийся с Земковым, рассказал всей стране о его подвиге (*очерк «Александр Земков» вошёл в книгу Вольфа «Рядом с нами», изданную Политиздатом в 1986 году – А.П.*).

А теперь – об одном из пяти Героев чуть подробнее, поскольку Иван Владимирович Дубинин – наш земляк. О месте его рождения придётся сказать отдельно, поскольку в разных источниках названы два населённых пункта (оба – в Покровском районе Орловской области – А.П.), где он, якобы, родился – *Николаевка и Николаевское*. Но села или деревни под именем Николаевское в нашем крае никогда не существовало. Деревня Николаевка имелась (она прекратила существование к середине 80-ых годов XX века), но Иван Дубинин родился совсем не там.

Многодетная крестьянская семья Владимира Афанасьевича и Веры Ивановны Дубининых всю жизнь прожила в селе Никольском (похоже, не правда ли, но это совсем другой населённый пункт, находящийся от Николаевки в 25 километрах – А.П.). У них-то, 25 мая 1914 года, и родился сын Иван. Закончив Кромскую семилетнюю школу (*прошу, читатель, не путать с посёлком Кромы, деревня под названием Кромская находится рядом с селом Никольское у нас, в Покровском районе – А.П.*), Иван Дубинин, отличавшийся с детства мастеровитостью, начал работу плотником в родном селе.

В архиве Покровского районного ЗАГСа, в книге записей гражданского состояния по Смирновскому сельсовету (сейчас – Покровского района, а тогда – Дросковского района Курской области – А.П.) за 1937 года обнаружил я запись о рождении в селе Никольское 6 февраля девочки – Веры Дубининой. Отцом её был записан Дубинин Иван Владимирович, которому исполнилось тогда 22 года, а матерью названа Борзёнкова Анна Андреевна, 18 лет. Кстати, фамилию матери секретарь сельсовета записал вначале как Дубинина, но потом зачеркнул её, исправив на Борзёнкову. На следующей странице записи есть этому объяснение – девочка «рождена без регистрации брака, но фактически родители живут совместно».

Об отце, Иване Владимировиче, секретарь записал, что специальность его – «плотник», и в настоящее время он служит в РККА (для молодых читателей объясню – Рабоче-Крестьянская Красная Армия – А.П.).

С 1936 по 1938 год Дубинин действительно проходил срочную службу, и, скорее всего, дочь свою так и не увидел, поскольку в декабре 1937 года, в десятимесячном возрасте, Верочка умерла от воспаления лёгких, а он сам лишь поздней осенью 1938-ого, отслужив, возвратился в родное Никольское.

Любили друг друга Иван и Анна, и общее горе сплотило их ещё больше. В ноябре 1938 года секретарь Смирновского сельского совета уже официально зарегистрировал брак «Ивана Владимировича Дубинина, 24-ёх лет, столяра, проживающего в селе Никольское, и Анны Андреевны Борзёнской, 20-и лет, домохозяйки из того же села». По какой причине молодые вскоре покинули родные места, я не знаю, но, скорее всего, как и подавляющее большинство, - в поисках лучшей доли.

Некоторое время Дубинины жили в городе Зугрэсе (Донецкой, а тогда – Сталинской области Украины – А.П.), где Иван работал в военизированной охране, но его всё-таки тянуло к работе по любимой специальности «плотника – столяра», а судьба привела покровчан в Черниговский район Запорожской области (есть там и до сих пор райцентр Черниговка – А.П.), где в селе под названием Пастия они перед войной обосновались. Налаживалась жизнь у молодой семьи, родилась и росла здоровенькой вторая дочь, но... Началась Великая Отечественная война.

Почему не был призван Иван Дубинин в действующую армию в первые же дни (его возраст подлежал мобилизации – А.П.), мы, наверное, теперь не узнаем. Пришлось Дубининым почувствовать на своих спинах все «прелести» фашистских новых порядков.

В первых числах октября 1943 года 24 гвардейская стрелковая дивизия освободила райцентр Черниговку и часть населённых пунктов Черниговского района Запорожской области. Иван Дубинин в числе многих других пополнил основательно поредевшие гвардейские полки. Учить его основам военного дела не было необходимости (как-никак два года срочной службы за плечами имелось), и вскоре рядовой автоматчик 70 гвардейского полка стал одним из лучших во всей дивизии.

Освобождал Запорожскую и Херсонскую области, а когда 24-ую гвардейскую перебросили в Крым, отличился при освобождении Евпатории (вместе со всей дивизией, которая получила почётное наименование Евпаторийской – А.А.). Получил тогда проявивший

мужество автоматчик Дубинин свою первую награду - медаль «За отвагу».

Ну а потом... потом было наступление на Севастополь, с рассказа о котором я и начал...

Изучая списки безвозвратных потерь 24-ой гвардейской дивизии за период с 27 апреля по 10 мая 1944 года (они размещены на сайте OVD.memorial.ru архива Министерства обороны России в интернете – А.П.), и найдя в них фамилию Ивана Дубинина, я с удивлением увидел, что датой его смерти там значится не 9, а 10 мая. И тогда я понял, что нашёл подтверждение тому, о чём читал в нескольких источниках, описывавших тот героический бой десантников и в чём сильно сомневался: Иван Дубинин, единственный из десантников, был жив и продолжал биться с гитлеровцами вплоть до подхода своих, переправившихся через залив, товарищей. Он присоединился к ним, участвовал затем в полном освобождении Севастополя, и только на следующий день, когда город праздновал Победу, наткнулся где-то на шальную фашистскую пулю. Обидно!

Похоронили его вместе с другими павшими гвардейцами, в общей братской могиле, в селе Бельбек (оно находится на одноименной, самой полноводной реке Крыма, в 28 километрах от Севастопольского вокзала, неподалёку от которого бился героический десант – А.П.). В августе 1945 года татарское название населённого пункта поменяли на русское, и в настоящее время это село Фруктовое, административно входящее в Нахимовский район города-героя Севастополя (это кажется странным, но, кроме Фруктового, ещё более двух десятков окрестных сёл тоже числятся в подчинении у города – А.П.).

В братской могиле села спят вечным сном более 1700 советских солдат, павших при штурме Севастополя. Среди них - украинцы Висовин и Соценко, русские – Романов и Дубинин – Герои Советского Союза.

Уроженец села Никольское Покровского района Орловской области Иван Владимирович Дубинин не дожил до своего 30-летия двух недель. В 2014 году ему исполнилось бы 100, но уже 70 лет его нет рядом с нами. Ровно столько дней Победы отметит и Севастополь.

Они всегда будут вместе – Герои: город и человек!

Полный кавалер ордена Славы Григорий Шалимов

Григорий Семенович Шалимов родился 29 января 1920 года в Топках, перед войной закончил агрономическое отделение Глазуновского сельскохозяйственного техникума, работал агрономом Луковской МТС в Малоархангельском районе. В октябре 1940 года он был призван в ряды Красной Армии. Войну встретил сержантом, командиром пулеметного отделения батальона аэродромного обслуживания на Юго-Западном фронте. Много раз приходилось Григорию Шалимову бывать под бомбежкой, защищать аэродром от вражеских самолетов и парашютистов. Но ему хотелось быть непосредственно на фронте.

Шалимов добился направления на курсы воздушных стрелков. После окончания их в апреле 1944 года он был направлен в 74-й гвардейский штурмовой авиаполк, входивший в 1-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию. Новичок попал в экипаж гвардии старшего лейтенанта Шпинькова, а через месяц начались боевые вылеты.

30 июля 1944 года сержант Шалимов был награжден первой своей наградой – медалью «За отвагу». Командир полка гвардии майор Смильский, награждая Шалимова, в приказе отметил, что воздушный стрелок «...*проявил себя храбрым, смелым и тактически грамотным воздушным стрелком...*».

Особо талант Шалимова проявился в ходе боев с гитлеровцами в Восточной Пруссии. Он в течение полугода был отмечен четырьмя боевыми орденами. 17 октября 1944 года в воздушной схватке шестерки наших штурмовиков с девятью «мессерами» над городом Даркемен (ныне – Озёрск Калининградской области) Шалимов отбил три воздушные атаки и сбил вражеский истребитель, был награжден за это орденом Красной Звезды.

В представлении к награждению орденом Славы III степени командир полка, гвардии майор Смильский написал: «18 января 1945 года при разведке войск и боевой техники противника гвардии сержант Шалимов удачно прикрыл заднюю полусферу от зенитного огня в районе населённого пункта Куссеи. Он своим огнём умело подавил вражескую батарею зенитной артиллерии, в результате чего разведчик полностью осмотрел разведрайон и привёз ценные разведданные о группировке войск противника.

27 января Шалимов, учитывая благоприятную воздушную обстановку, обстрелял из пулемёта скопление вражеских автомашин и пехоты на юго-восточной окраине Кёнигсберга, нанеся им значительный урон».

За активное участие в боях по уничтожению немецко-фашистских войск, окруженных юго-западнее Кенигсберга, и проявленные при этом доблесть и мужество (пять боевых вылетов на штурмовку, вместе с экипажем вывел из строя 11 автомашин и 9 подвод с боеприпасами, подавил огонь 6 зенитных точек) командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник авиации Хрюкин наградил Шалимова орденом Славы II степени.

К концу войны гвардии старший сержант Г.С. Шалимов совершил 109 боевых вылетов. На его боевом счету были сбитый истребитель, 20 уничтоженных автомашин, свыше десятка орудий и более 70 гитлеровцев.

За героизм, проявленный в боях с немецкими захватчиками на заключительном этапе войны, гвардии старшего сержанта Шалимова наградили орденом Славы I степени. После войны Григорий Семенович вернулся к своей мирной профессии. Работал агрономом Дросковской МТС, директором Парамоновской МТС, затем – секретарём Ливенского и Шаблыкинского РК КПСС, одновременно заочно заканчивая сельскохозяйственный институт. С 1966 года и до ухода на пенсию успешно руководил племптицесовхозом «Орловский». Совхоз всегда работал рентабельно, постоянно перевыполняя планы, трижды был участником выставки ВДНХ и неоднократно награждался грамотами и переходящими Красными Знамёнами Совета Министров РСФСР.

За добросовестный самоотверженный труд директор совхоза «Орловский» Г.С.Шалимов был награждён орденом Трудового Красного Знамени, золотой медалью ВДНХ, многими почётными грамотами.

Григорий Семёнович скоропостижно скончался в 1991 году, похоронили Кавалера Славы в воинской части Троицкого кладбища города, рядом с другими Героями Орловщины. На его могиле установлена памятная плита.

Генерал Константин Ефремов

Семья Ефремовых, жившая в селе Никольское, была многодетной. Старший сын Михаил родился в 1912 году, младшие Александр и Анастасия родились в один день, - уже при Советской власти.

Глава семьи Петр Егорович в тяжелом, 1933 году, вскоре после вступления в колхоз, заболел и умер. Все заботы легли на плечи вдовы Феодосьи Ульяновны и ее старших детей - Михаила, Семёна и Григория.

Михаилу Петровичу, как самому старшему, довелось побывать на финской войне. В 1940 году вернулся домой и вскоре был избран председателем колхоза. Как только началась Великая Отечественная война, и фашисты оккупировали село, Михаила оставили в тылу врага для подрывной работы. Но, почувствовав, что в одиночку задание не выполнить, решил перейти линию фронта и вступить в действующую Красную Армию. Воевал в пехоте и погиб в 1944 года в Полесской области в Белоруссии. После войны брату Константину удалось найти место его захоронения.

Второй брат Семен, 1917 года рождения, после окончания 7 классов Никольской неполной средней школы учился на курсах бухгалтеров в Ливнах, работал бухгалтером в Дросковском райпотребсоюзе, затем в райвоенкомате. Именно Семену пришлось больше всех заботиться о семье и младших братьях. По его совету Константин, родившийся 2 марта 1922 года, поступил на учебу в Орджоникидзеградское автомотоциклетное училище (ныне - Рязанское автомобильное).

В период Великой Отечественной войны Семен был техником-интендантом, участвовал в освобождении родных мест, заезжал домой.

Григорий – третий из братьев, родился в 1919 году, закончил в 41-м году Ахтырское техническое училище, получил звание лейтенанта и успел лишь сообщить об этом. После никаких сведений о нем не поступало.

Трем младшим братьям повезло. Константин (1922 года), Алексей (1924 года), Леонид (1926 года) также участвовали в боях, но остались живы. Алексей – десантник, участник боев в Венгрии, у озера Балатон, награжденный орденами Красной Звезды и Отечественной войны, жил после войны на Украине.

Леонида хорошо знали в Покровском районе. Л.П.Ефремов долгие годы работал на партийной и советской работе, в 1997 году ушёл на заслуженный отдых. Он принимал участие в заключительных боях в Берлине, где встретился с братом Константином.

Константин также после окончания Никольской семилетки некоторое время работал в колхозе на разных работах.

После окончания Орджоникидзеградского автоучилища в августе 41-го года в офицерском звании Константин Петрович воевал на Юго-Западном, Белорусском фронтах. Начинал войну лейтенантом, командиром отделения подвижных средств связи. Затем командовал автомобильным взводом, был начальником инженерной службы стрелкового полка, начальником автомобильной службы 328-й Краснознаменной Варшавской стрелковой дивизии, встретил победу в звании майора.

В боях 1941-1945 годов Константин Петрович был ранен, контужен. Боевые его заслуги командование отметило четырьмя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

После войны К.П.Ефремов продолжил службу в армии. Командовал батальоном легковых автомобилей Группы советских войск в Германии, был заместителем командира бригады, учился на автомобильном факультете автомобильной академии. Затем снова был заместителем, но уже командира 3-й гвардейской десантной дивизии в Черновцах и Калуге и заместителем начальника автомобильного управления Белорусского военного округа. А в 1965-1966 годах находился в спецкомандировке на Кубе.

Закончил службу в должности начальника автомобильного управления Группы советских войск в Германии.

Звание генерал-майора Константин Петрович Ефремов получил в 1971 году. Последнее время, уйдя в отставку, жил в Минске, изредка навещая родное Никольское. Умер генерал в мае 2005 года, похоронен на одном из минских кладбищ.

Комиссар 587-ого бомбардировочного авиаполка Лина Елисеева

Лина Яковлевна Елисеева (Юдина) родилась в 1907 году в селе Топки. В 1933 году окончила Качинскую военную авиационную школу лётчиков - истребителей. Летала на самолётах - разведчиках. Потом окончила военную академию. В начале Великой Отечественной войны вместе с прославленной лётчицей Героем Советского Союза Мариной Расковой участвовала в формировании женских авиационных полков. В составе одного из них (587-го бомбардировочного авиаполка, имевшего на вооружении пикирующие бомбардировщики Пе-2) ушла на фронт в качестве комиссара.

С 19 июля 1943 года по 20 июля 1944 года 587-й БАП содействовал вводу в прорыв танковой группы на участке Сычи-Олешня (Орловско-Курская дуга), участвовал в Спас-Деменской, Ельнинской, Смоленской операциях, обеспечивал наступление наших войск на Витебском и Оршанском направлениях, содействовал войскам Калининского фронта по прорыву полосы обороны противника на участке Клевцы-Сельцо в районе города Духовщина.

Приказом НКО СССР от 23 сентября 1943 года 587-й БАП был переименован в 125-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк имени Героя Советского Союза Марины Расковой.

За успешное содействие наземным войскам при форсировании реки Березины и при овладении городом Борисовом, Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 июля 1944 года полк получил почётное

наименование — *Борисовский*. а за овладение городом Инстербург 19 февраля 1945 года был награжден орденом Кутузова 3-й степени.

С 1 по 8 мая 1945 года 125-ый гвардейский БАП содействовал войскам Ленинградского фронта по уничтожению окруженной группировки противника на Курляндском полуострове, бомбил военный порт Либава и скопления танков и живой силы противника в районе железнодорожного узла Илмая. Последний боевой вылет полк совершил 8 мая 1945 года на порт Либава.

За образцовое выполнение заданий командования и за овладение городом и крепостью Пиллау, полк Указом Верховного Совета СССР от 28 мая 1945 года был награжден орденом Суворова 3-й степени.

В период Великой Отечественной войны полк совершил 1134 боевых вылета, сбросив на врага 980 тонн бомб, потеряв погибшими 27 человек (15 женщин и 12 мужчин). Полк расформировали 28 февраля 1947 года.

В 125-ом гвардейском БАП к концу войны 5 человек были удостоены звания Героев Советского Союза: гвардии старший лейтенант Галина Ивановна Джунковская, гвардии капитаны Мария Ивановна Долина, Антонина Леонтьевна Зубкова, Клавдия Яковлевна Фомичева, гвардии майор Надежда Никифоровна Федутенко.

В 1976 году в школе №409 города Ленинграда появился музей боевой славы 125-го Гвардейского авиационного бомбардировочного полка им. Героя Советского Союза Марины Расковой. Основателями музея стали бывший завуч школы Воля Ивановна Воронцова и комиссар 125 гвардейского авиаполка Елисеева Лина Яковлевна. Долгие годы они с ребятами собирали материал о летчицах этого славного военно-воздушного соединения.

Умерла Лина Яковлевна в 1979 году, похоронили её на Казанском кладбище Царского Села (Ленинградская область).

Старый директор (О Михаиле Фёдоровиче Ловчикове)

Я познакомился с Михаилом Федоровичем Ловчиковым в мае 1983 года, во время похорон в городе Малоархангельске Героя Советского Союза Михаила Андреевича Гринева, уроженца деревни Прилепы Покровского района. Небольшая делегация покровчан приехала в бывший долгое время нашим общим центром уездный город, чтобы проводить в последний путь земляка.

Тогда я и узнал, что известный в Покровском районе директор Ивановской восьмилетней школы Михаил Федорович Ловчиков – близкий родственник Героя, его двоюродный брат.

На похоронах, конечно, не до разговоров, но, пока мы ехали до Малоархангельска, а потом и обратно, много интересного успел рассказать мне самый опытный директор Покровского района. В основном, конечно, это касалось брата - Героя.

Потом наши с Михаилом Федоровичем дороги пересекались не часто. Но однажды, когда уже больше десятка лет бывший директор находился на заслуженном отдыхе, мне удалось узнать Михаила Федоровича Ловчикова поближе.

Тогда в районной газете я опубликовал статью о комсомольском подполье нашего края в годы оккупации. Спустя пару дней после выхода материала раздался звонок из Ивановки: «Это Ловчиков Михаил Федорович. Одна из героинь Вашего материала – моя родственница, двоюродная сестра, Клавдия Костромина. Мне известны и некоторые подробности тех событий».

Через пару недель я посетил Михаила Федоровича и его жену Клавдию Егоровну, в их старой постройки, но необычном для деревни двухэтажном доме, очень гостеприимном и приветливом.

Мы беседовали долго – один раз, а потом и другой. Михаил Фёдорович открывался мне всё больше и больше. Я слушал, записывал, снимал на видео и удивлялся: какая внимательная, эмоциональная память у Михаила Федоровича, какие подробности живут в его неравнодушной душе, печалющейся и о событиях войны, и о развале Советского Союза, и о неудачах новой России, и о судьбах молодого поколения.

В длинном, многочасовом повествовании старого директора оказалось много ярких эпизодов. Некоторые из рассказов бывшего директора я потом опубликовал. Но за рамками их остались многие любопытные моменты собственной биографии Михаила Фёдоровича.

А теперь, когда старого директора не стало (он ушёл из жизни 25 февраля 2012 года), мне захотелось поделиться с читателями некоторыми деталями жизненного пути ветерана.

Родился Миша Ловчиков в 1928 году в селе Смирные, в той части его, что звалась Поповкой (здесь действительно жители священнослужители местной церкви). Семья Фёдора Дмитриевича и Натальи Дмитриевны Ловчиковых была многодетной (шестеро сыновей и дочь), Михаил – самый младший.

Четверо старших братьев воевали, двое из них погибли, а двое к моменту нашего разговора с Михаилом Фёдоровичем уже умерли. О каждом из братьев он рассказывал долго и с большой любовью. А о себе сообщил такие подробности, которые навсегда врезались в его нелёгкую жизнь.

Как на его глазах немцы однажды расстреляли мирных жителей села Смирные, в числе которых были его тётя и двоюродная сестра.

Как уже весной 1943 года, после освобождения Смирных, он, с такими же подростками, стаскивал с полей оставшиеся там трупы убитых немецких солдат, которых закопали в один большой противотанковый ров.

Как каждое лето и осень, вплоть до отъезда на учёбу в Орёл, работал он наравне со взрослыми на уборке урожая, зарабатывая трудовни.

Как сдавал экзамены в Дросковской средней школе в 1948 год, будучи уже 20-летним (по причине войны, естественно).

Как обучаясь в Орле на физмате пединститута, жил на квартире в том самом знаменитом доме, который сейчас известен как «Дом Лизы Калитиной».

А о судьбе лётчика, лейтенанта Вениамина Максимовича Заикина, который погиб в 1956 году, во время очередного полёта, Михаил Фёдорович горько сожалел всю жизнь.

Два года после окончания пединститута проработал Ловчиков в Дросковской средней школе, выпустил 10-ый класс, и один из его благодарных учеников, ставший известным писателем, Александр Тихонович Харчиков, всегда, приезжая в родные края, навещал бывшего классного руководителя.

С 1954 до 1987 года М.Ф. Ловчиков был директором Ивановской школы – одним из лучших в Покровском районе. Он же и построил для учащихся (а их тогда было более 200) то здание, что недавно опустело окончательно, но пока ещё стоит.

Со своими учениками братскую могилу в Ивановке Михаил Фёдорович превратил в настоящий мемориал, облагородив её и обсадив аллеями хвойных деревьев.

Будучи на пенсии, делился ветеран воспоминаниями о своей жизни, о встречах с интересными людьми – как на мероприятиях, так и на страницах районной газеты.

Михаил Фёдорович Ловчиков, старый директор, сельский интеллигент самой высшей пробы, к нашему горькому сожалению, недавно скончался. Жаль, что старых гвардейцев Покровского образования остаётся всё меньше и меньше. Но такие Учителя, как Ловчиков, став теперь частицей истории Покровского края, я уверен, не будут забыты родными, коллегами и учениками. Никогда!

А теперь прочти, читатель, три небольших рассказа, основанных на воспоминаниях М.Ф. Ловчикова.

Рассказы старого директора

Рассказ первый *Бровь Клавдии Костроминой*

Этот стылый январский день 1943 года для жителей оккупированных фашистами села Смирные, деревень Жигачевка и Орловка начался плохо: выдворенные рано утром старостами и полицейскими из своих неказистых жилищ, они были согнаны в просторную Смирновскую церковь и заперты там без всяких объяснений.

В Покровском районе, который к тому времени уже более года находился в прифронтовой полосе, с местными жителями оккупанты не церемонились: за любую провинность наказание наступало незамедлительно, и почти всегда этим наказанием была смертная казнь. Расстрелы и повешения следовали непрерывно одно за другим.

И потому, запертые в холодной, давно уже бездействовавшей Успенской церкви старики, женщины и дети с ужасом ожидали своей участи. То в одном углу огромного промерзшего здания, то в другом слышались короткие прерывистые всхлипы, но развернуться громкому плачу ни одна из матерей не позволила.

Время приближалось к полудню, когда вдруг на улице послышалась тяжелая немецкая речь, и началось какое-то движение.

Несмотря на категорический приказ к окнам не приближаться, сельские мальчишки (самый бесстрашный в силу молодости народ), подсаживая друг друга, добрались до кованых церковных решеток и начали наблюдение за единственной здесь улицей. Был среди этих пацанов и 14-летний Миша Ловчиков.

Увидел он, как с дальнего конца села (а Смирные растянулись вдоль ручья Невада почти на полкилометра) семеро немцев с винтовками наперевес ведут двух женщин. Когда до церкви им осталось дойти метров сто, откуда-то сбоку к процессии выбежал, размахивая руками, еще один гитлеровец.

Офицер, шедший чуть впереди остальных, отреагировал и остановил как солдат, так и женщин. Подбежавший немец чуть присел и сделал несколько движений на уровне глаз.

Тут только Михаил понял, что это фотограф, который запечатлел для истории последние минуты жизни приговоренных (любили фашисты-садисты фотографировать людей в такие моменты, - оставляя улики для будущих обвинительных заключений).

Фотограф – уже не спеша – ушел, а процессия снова двинулась в путь.

Когда семеро гитлеровцев и женщины подошли к церкви уже достаточно близко, Миша узнал односельчанок – это были мать и дочь

Костромины, близкие родственники Ловчиковых, жившие от них через дорогу. Ужас сковал руки Михаила, и он едва не свалился с окна.

Немцы провели арестованных по дорожке неподалеку от церкви и направились к находившемуся рядом кладбищу. Заметил Миша, что там несколько мужиков уже выкопали могилу – к ней-то и подвели Костроминых. Однако могила, очевидно, еще не до конца была готова, и офицер приказал отвести женщин чуть в сторону.

Потом тот же немец развернул женщин к себе спиной. Когда они это сделали, офицер взмахнул рукой. Мальчишки, сидевшие и висевшие на окнах, услышали негромкие хлопки и увидели легкие, почти прозрачные дымки. Обе женщины упали. Мужчины-«копачи» по приказу немца отнесли каждую из расстрелянных в приготовленную для них яму – и начали забрасывать ее землей.

Чуть постояв, понаблюдав за могильщиками, расстрельная команда снялась с места и двинулась к комендатуре. В это же время охранявшие церковь немцы открыли в ней двери – и огромная толпа хлынула оттуда, как выдавленное из кадушки тесто. Часть жителей бросилась по домам, а другие – и конечно, мальчишки, в первую очередь, побежали к месту расстрела.

Мужики уже успели присыпать тела казненных и, все еще переживая, рассказали подбежавшим, что в спине матери – 6 пуль, а в Клавдию попала только одна – пробила ей затылок и вышла через лоб.

Миша Ловчиков подошел к месту, где еще 10 минут назад стояли живыми его тетка и двоюродная сестра. На ослепительно белом, свежем январском снегу алая кровь казалась нарисованной, нереальной. Какая-то темная узкая полоска рядом с красными пятнами привлекла внимание Михаила. Он наклонился и резко отшатнулся: это была вырванная выстрелом из головы Клавдии Костроминой ее красивая, изогнутая лодочкой черная бровь.

И эта бровь подергивалась на белом снегу, жила своей посмертной жизнью!

Испуганный Миша больше ничего смотреть не стал, сломя голову побежал домой.

Стылый январский день закончился так же плохо, как и начался.

Рассказ второй *Маршал и пулеметчик*

Между селами Никольское и Смирные протянулось на несколько километров обширное ровное поле. Именно по нему, с утра 12 февраля 1943 года, пошли в наступление на село Смирные бойцы 137-й стрелковой дивизии. Но продвинуться в глубоком снегу красноармейцам удалось лишь на несколько сотен метров.

Их остановил прицельный огонь крупнокалиберного пулемета, бившего откуда-то сверху. От первых его очередей несколько красноармейцев зарылись в рыхлый снег уже навечно. Другие, живые – по приказу – вставая, тут же падали – или спасаясь от гибели, или уже не спасаясь.

Страшные и бесполезные попытки преодолеть расстреливаемое голое поле вскоре закончились. Командиры 137-й дивизии поняли, что немецкому пулеметчику, засевшему под самым куполом Успенской церкви села Смирные, - видны все, даже самые ничтожные перемещения наших солдат. А вот пулеметчик оставался невидим – и добраться до него с этой стороны оказалось невозможно. Необходимо было попытаться подтащить как-то (в глубоком снегу) «сорокопятку», чтобы успокоить буквально взбесившегося немецкого бродягу.

Пока же одно из подразделений дивизии решило обойти церковь со стороны кладбища, используя заснеженный кладбищенский ров. Около двадцати бойцов по-пластунски, голова к ногам, втянулись в узкую снежную вмятину и осторожно начали продвигаться по направлению к центру села.

Почти всех их в упор расстрелял второй немецкий пулеметчик, сидевший в засаде на окраине кладбища. С этим фашистом удалось справиться примерно через час – его забросали гранатами, подобравшись с трех сторон.

Пулеметчик же, сидевший под куполом Успенской церкви, был убит только к концу дня, когда наконец-то нашим артиллеристам удалось выпустить несколько прицельных снарядов по верхотуре храма.

Когда, уже в начале марта 1943 года, в селе Смирные была создана похоронная команда (руководил ею 15-летний Миша Ловчиков), то она, в течение недели, собирая тела наших солдат и перевозя их к кладбищу в специальных похоронных санях-лодках, заполнила окоченевшими трупами два огромных немецких блиндажа. Свыше 80 солдат и офицеров – цена освобождения села Смирные!

Но это стало известно только в марте, а числа 15 или 16 февраля, когда в Смирных уже квартировали наши, вздумал Миша Ловчиков с товарищем-соседом пробраться в церковь, посмотреть, где и как немец-пулеметчик сидел.

Двери наружные в церковь были настезь, но таким холодом на мальчишек пахнуло изнутри (да и воспоминания о сидении там под охраной немцев месяц назад нахлынули), что ребята в нерешительности остановились.

Но любопытство все же пересилило. Перешагнули мальчишки порог церковный и вглубь храма прошли. Прямо по центру наткнулись они на

большую кучу стреляных пулеметных гильз, а на второй, еще большей по размеру куче, лежал лицом книзу убитый немецкий пулеметчик.

Ребята задрали головы: где же он сидел и где пулемет-то был? И тут только обратили они внимание, что по периметру всей церкви, круговую, от входа до самого купола шли деревянные леса, создавая винтовую лестницу, по которой, видимо, и забирался наверх пулеметчик. Чтобы построить такие леса, немцы наверняка приглашали своих специалистов, потому что деревенских плотников не использовали.

Миша начал обходить леса по кругу, товарищ двинулся за ним (оба с запрокинутыми головами), когда вдруг снаружи послышались звуки подъезжавших к церкви машин. Пацаны замерли, притаившись в углу: вдруг ругать их будут?

Прошло несколько томительных минут, пока в храм вошли – нет, вошел один – высокий офицер, в длинной, почти до пят, шинели. Хрустя битым кирпичом, дошел до стреляных гильз и убитого пулеметчика. Несколько секунд (ребятам хорошо было видно) офицер внимательно смотрел на фашиста. Потом носком сапога перевернул его тело лицом кверху, еще несколько секунд постоял, глядя на убитого и, как будто пытаюсь запомнить его.

Наконец, офицер развернулся и зашагал к дверям. Загудели моторы – и машины уехали.

Дома Миша Ловчиков не рассказал тогда, что им с товарищем довелось увидеть в храме. А в селе (уже к концу войны) слух прошел, что тот, высокий офицер, побывавший в Успенской церкви в феврале 1943 года – никто иной, как сам маршал Рокоссовский (в ту пору он еще генералом был).

Рассказ третий ***«Григо»***

В большой семье смирновских старожилов Ловчиковых было шестеро братьев.

С началом Великой Отечественной войны мобилизовали на фронт сразу трех из них – старших Дмитрия, Василия и Николая. После освобождения от фашистов села Смирные в феврале 1943 года ушли в Красную Амию еще двое Ловчиковых – Григорий и Константин.

Только самому младшему, Михаилу (1928 года рождения) не довелось хлебнуть фронтового лиха (впрочем, ему хватило и того, что было в тылу).

Из пяти воевавших братьев не вернулись в родной дом двое: Дмитрий, капитан, погиб, обороняя Ленинград, а Николай, политрук, пал смертью храбрых при защите Сталинграда.

Василий, Григорий и Константин уцелели в жестоком пламени большой войны и возвратились на родину. Самым трудным, долгим и извилистым был этот путь у среднего из братьев – Григория.

Успевший повоевать лишь несколько месяцев, в самом начале лета 1943 года он попал в плен и скоро оказался в одном из лагерей для военнопленных где-то в глубине Германии. К этому времени у нацистов уже возникли серьезные проблемы с рабочей силой, и они – наряду с продолжавшейся политикой беспощадного уничтожения славян в концлагерях – все чаще использовали пленных как на тяжелых неквалифицированных, так и на подсобных работах.

Лагерное начальство выяснило гражданские специальности пленных, и вскоре Григорий Ловчиков начал работу за одним из токарных станков на ремонтном заводе.

Рабочий день заключенных длился с раннего утра до позднего вечера, а вот кормили их за многочасовой труд одной отвратительной баландой, часто даже без хлеба.

Ощущение постоянного голода у Григория, да и у его товарищей, никогда не проходило. Они чувствовали, что долго так не протянут.

Но однажды в своей рабочей тумбочке, где хранились токарные инструменты, обнаружил Ловчиков небольшой бумажный сверток. Испугавшись провокации, Григорий не стал его трогать. Но в конце смены к нему подошел пожилой, седой немец-мастер: «Григо, это тебе – еда. Бери» (по-немецки уроженец Орловщины к этому времени уже немного понимал, а то, что мастер его назвал так, было понятно: немец сократил русское имя еще пару недель назад, когда стал симпатизировать молодому парню, умело обращающемуся со станком).

После этого почти каждый день Григорий обнаруживал в тумбочке сверток, в котором находилась немудрящая домашняя еда. Ловчиков угощением делился с товарищами, рассказав им о пожилом мастере.

К этому времени в лагере сколотилась небольшая, но сплоченная группа Сопротивления, которой руководил майор Фомин (тоже уроженец Орловщины).

Командир понял, что старый немец – явно из сочувствующих им, возможно, антифашист, и начал подумывать том, как бы использовать его в интересах группы. Однако мастер опередил Фомина.

Однажды очередная передача с едой оказалась завернута не в газетную бумагу, а в обрывок немецкой карты, где стояли карандашные пометки. Когда Григорий передал карту Фомину, тот в тот же вечер,

собрав всех, сказал: «Ребята!». Тут голос его задрожал: «Ребята! Наш лагерь находится совсем рядом со швейцарской границей, перейдем реку – и мы в нейтральной стране!».

Побег удался, и вскоре все восемь человек из группы Фомина совершенно свободно разгуливали по чистенькой, так и не узнавшей по-настоящему, что такое война, Швейцарии.

Всем русским, бежавшим из нацистского лагеря, предоставили жилье и работу, которую неплохо оплачивали.

Война закончилась, и всех их из Швейцарии, по соглашению с американцами, перевели во Францию, а потом в Италию. У каждого из бывших военнопленных уже имелся к этому времени чемодан с нажитым на чужбине добром.

Из Италии через остров Кипр большую группу советских американцы доставили в Египет, где разместили в лагерь неподалеку от знаменитых пирамид.

Почему их доставили сюда, стало ясно почти сразу. Подальше от советских войск, в зоне англо-американского влияния, несколько недель бывших военнопленных обрабатывали, расписывая прелести жизни в Америке. Поддались немногие – но они были.

Григорий Ловчиков решил Родину не предавать. Проводы в Александрии были пышными – с песнями и музыкой.

В Одессе, куда прибыл американский теплоход с советскими гражданами, побывавшими в плену, Родина встретила их тоже с оркестром. Но на этом праздник закончился. Чемоданы с нажитым имуществом отобрали сразу же (Григорий вез на родину, желая удивить своих односельчан иностранными товарами и знаменитые швейцарские часы) – и отправили в лагерь – на спецпроверку.

Ловчикову повезло: он не был репрессирован, его не отправили в Сибирь, а просто (согласно возрасту) заставили дослуживать армейский срок.

О том, что Григорий жив, в родном селе Смирные узнали только в 1946-м году. Радость матери, которая на него, как и на старших братьев, получила «похоронку», не знала предела.

В послевоенные годы судьба помотала бывшего военнопленного по всему Советскому Союзу: работал он в Средней Азии, в Закавказье. Однако последнее время Григорий жил в Орле, изредка приезжая в родное село Смирные. Недавно Григорий скончался, и из всех Ловчиковых в последним умер Михаил Федорович, старый директор, благодаря памяти которого остались в истории и все его братья: Дмитрий, Василий, Николай, Григорий, Константин.

***Жители Топковского и Смирновского сельских советов,
погибшие от мин, снарядов и гранат в 1943-1952 гг.
Топковский сельсовет***

1	Романов Николай Иванович	Н.Слободка	учащийся	12.03.1943	Взорван миной
2	Савенков Николай Иванович	Н.Слободка	11	12.03.1943	Взорван миной
3	Бондарев Николай Тимофеевич	Н.Слободка	15	12.03.1943	Взорван миной
4	Замятин Михаил Михайлович	Лутовиново	7	5.06.1943	Убит гранатой
5	Даниличев Вячеслав Поликарпович	Н.Слободка	8	27.05.1949	Взрыв снаряда
6	Даниличев Иван Поликарпович	Н.Слободка	17	27.05.1949	Взрыв снаряда

Смирновский сельсовет

1	Савичев Дмитрий Михайлович	Смирные	9	1.10.1943	Подорвался на mine
2	Савичев Дмитрий Андреевич	Смирные	16	1.10.1943	На мину
3	Савичев Николай Васильевич (тракторист Топковской МТС)	Смирные	10	1.10.1943	На мину
4	Афонин Алексей Арсентьевич	Кочки	13	24.10.1943	На мину
5	Афонин Николай Николаевич	Кочки	11	24.10.1943	На мину
6	Давыдов Дмитрий Александрович	Кочки	12	24.10.1943	На мину
7	Афонин Илья Платонович	І Никольское	64	15.12.1943	Нарвался на мину
8	Ловчиков Александр Митрофанович	Смирные	6	18.05.1944	На мину
9	Харчиков Николай Иванович	І Никольское	12	24.05.1944	На мину
10	Мишин Иван Иванович	Смирные	6	18.05.1944	На мину
11	Савичев Владимир Павлович	Смирные	13	25.06.1945	Подорван миной

12	Драчёв Владимир Павлович	Орловка	5	27.04.1946	Подорвался на мину
13	Заикин Анатолий Петрович	Орловка	7	27.04.1946	На мину
14	Кирсанов Николай Васильевич	Александровка	16	1.07.1946	На мину
15	Ефремов Анатолий Васильевич	Непочатая	16	6.08.1952	Разрыв тела миной

О Топковской МТС

Сразу после освобождения, 1 марта 1943 года директором Топковской МТС был назначен Ефим Егорович Коротких. А он начал принимать на работу, в первую очередь, трактористов, а также механиков, агрономов, бухгалтеров.

Пока шла война, состав кадров МТС не оставался неизменным. То одного, то другого призывали на фронт. Так, Дросковский райвоенкомат в июле 1943 года мобилизовал в ряды Красной Армии трактористов Топковской МТС М.М.Чередова, Е.Е.Коротких, П.И.Комардина,

Весной и осенью все тракторные бригады МТС работали в две смены, без выходных, с 4 часов утра (по Топковской МТС). Смена трактористов должна была производиться только в борозде и после техосмотра трактора. Все поломки считались халатностью, и стоимость запчастей взыскивали с трактористов, бригадиров или участковых механиков.

Никаких отпусков во время войны не было. Только с лета 1945 года работники МТС начали их использовать.

Приказом от 13 марта 1946 года по Топковской МТС 5 бригадиров и 16 трактористов, вернувшихся с фронта, были вновь приняты на работу. Среди них – бригадиры Е.А.Бухтияров, Е.Е.Проничев, Г.Н.Шипулин, Е.Г.Сивов, М.В.Романов и трактористы – Г.И.Рябых, Ф.И.Кретов, Д.Ф.Пятин, Ф.К.Ерохин и другие. Женщины-трактористки из МТС стали уходить, их заменяли мужчинами.

Весной 1945 года в Топковской МТС имелось 22 трактора.

Сергей Сергеевич Никишин, Герой Социалистического труда

Первым из руководителей, удостоенных на Покровской земле звания Героя Социалистического Труда, стал Сергей Сергеевич Никишин, который проработал председателем колхоза имени Жданова более пятнадцати лет – с 1954 до 1969 года.

Он родился 15 апреля 1923 года в деревне Петровка Мценского района. Закончив семилетнюю школу, успел поработать в родном колхозе. После освобождения деревни от оккупации Сергея в 1943 году призвали в Красную Армию, в составе которой он участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен, награждён медалями.

После окончания войны, закончив юридические курсы, некоторое время работал прокурором. А в 1954 году Сергей Никишин был направлен в отстающий колхоз имени Жданова (Дросковского района) – выводить его из прорыва. Когда в марте 1955 года в его состав вошли ещё два соседних хозяйства – сельхозартели имени Фрунзе и «Красное Знамя», колхоз имени Жданова стал самым большим в Дросковском районе и одним из самых крупных в области. Управлять им было нелегко, но Никишин, наладив дисциплину, сумел за короткое время превратить руководимое им сельхозпредприятие в рентабельное.

Колхоз имени Жданова был многоотраслевым, но одинаково прибыльными являлись в нём как животноводство, так и растениеводство. К 1968 году 1000 хлеборобов хозяйства с помощью 54 тракторов и 51 комбайна обрабатывали 14 тысяч гектаров пашни. На молочно-товарных фермах хозяйства содержалось более трёх с половиной тысяч крупного рогатого скота. Из них - 1800 коров, от которых в летний период колхоз сдавал государству до 250 центнеров молока ежедневно. Кроме того, в колхозе имелось более тысячи ста овец и около семисот свиней. Было также налажено производство собственного кирпича, действовала несколько строительных бригад на сооружении животноводческих помещений, зернохранилищ и объектов соцкультбыта.

Несмотря на отдаленность Топков, два собственных колхозных автобуса доставляли жителей села и ближних деревень до Дросково, Покровского, Колпны, Орла.

Успехи колхоза и зажиточность работавших в нём колхозников были замечены и оценены: его руководитель стал в 1963 году депутатом Верховного Совета РСФСР. А в 1966 году за высокие достижения в производстве сельхозпродукции председатель колхоза имени Жданова С.С. Никишин был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Все колхозники восприняли это как должное: «По труду - и честь», тем более, что многие из них тоже были удостоены государственных наград.

Никишин руководил колхозом до конца 1969 года. В том году валовой сбор зерна составил в хозяйстве почти 140 тысяч центнеров (продано из них государству – 65 тысяч), хороший урожай дали сахарная свёкла и конопля. В результате годовые доходы колхоза имени Жданова составили тогда около трёх миллионов рублей, значительная

часть которых была израсходована на строительство общественных и культурно-бытовых объектов и культурно-массовую работу. Ежегодно колхоз тратил 10 тысяч рублей на выплату пенсий и стипендий колхозникам и приобретение путёвок в санатории и дома отдыха.

В декабре 1969 года С.С.Никишин был избран делегатом Третьего Всесоюзного съезда колхозников и вошёл в состав Союзного совета колхозов. Но, к большому сожалению топковцев, сразу после этого события, Сергея Сергеевича перевели на руководящую работу в областной центр, в управление сельского хозяйства. Потом несколько лет Никишин руководил топливным хозяйством области, а уже в новой России, после ухода на пенсию, стал одним из создателей Орловского отделения Крестьянской партии России.

Умер Герой Социалистического Труда в 2003 году, в почти полной неизвестности. На его смерть не отозвалось ни одно издание, кроме «Орловской искры». И похоронили Сергея Сергеевича Никишина очень скромно, без речей представителей власти. А ведь всей своей жизнью ветерана войны и труда он заслужил гораздо большего.

Кавалеры орденов и медалей колхоза имени Жданова

12 июля 1966 года был удостоен звания Героя Социалистического труда, с вручением медали «Золотая звезда» и ордена Ленина, Сергей Сергеевич Никишин, председатель колхоза им. Жданова

Орден Ленина

1966г. - Химичева Валентина Петровна - доярка

1966г. - Поцелуев Иван Романович – начальник производственного участка

1974г. – Гуричев Михаил Васильевич – тракторист

Орден Октябрьской революции

1971г. - Лаврищев Егор Тихонович – заместитель председателя колхоза имени Жданова

Орден Трудового Красного Знамени

1942 и 1947 годы - Замятина Анна Ардалионовна

1971г. - Сидельников Петр Иванович - председатель колхоза имени Жданова

1971г. - Шалимова Анна Петровна – доярка (Топковская МТФ)

1972г. - Гуричев Михаил Васильевич – звеньевой колхоза имени Жданова

1973г. - Евшина Евдокия Корнеевна – доярка

1974г. - Быков Виктор Иванович – председатель колхоза имени Жданова

1974г. - Юдин Алексей Петрович – колхозник

1977г. - Ерохин Дмитрий Анисимович – бригадир

1977г. - Новиков Валерий Павлович - бригадир

Орден «Знак Почета»

1966г. – Степина Мелания Ивановна – доярка

1971г. - Воронцова Лидия Ефимовна - зоотехник

1974г. - Ерохин Дмитрий Анисимович - бригадир

1974г. - Поцелуев Николай Гаврилович – шофер

1974г. - Шалимов Александр Матвеевич – шофер

Медаль «За трудовую доблесть»

1966г. - Новикова Анастасия Прокофьевна – телятница

1966г. - Шалимова Раиса Стефановна – колхозница

Медаль «За трудовое отличие»

1966г. - Бондарева Зинаида Тимофеевна - колхозница

1966г. - Романов Иван Алексеевич – механик

1977г. - Ловчиков Иван Николаевич – тракторист

Николай Ефремов – последний защитник деревни Кромская

Деревня с поэтичным названием Кромская в своё время, в середине XVII века, расположилась рядышком с селом Никольским, через небольшой овраг – вдоль того же самого ручья Дегтярка, на котором стоит и село Никольское. Название ручей получил за чёрный цвет воды, который она приобретала, размывая время от времени местные богатейшие торфяные пласты (торф, кстати, в здешних краях добывали до середины 60-ых годов на промышленной основе, а местные жители использовали его для отопления и позже – А.П.).

Когда никольские мужики в середине XIX века на деревенском сходе решили церковь в населённом пункте возвести, то лучшего места, чем в Кромской, они не нашли. И потому, когда церковь появилась, она, хоть

и никольской считалась и называлась, но располагалась на самом красивом возвышенном месте деревни Кромской, в месте схождения двух оврагов.

Церковь закрыли, а потом и разрушили уже при Советской власти, в 30-ые годы XX века – пытались кирпич от неё использовать, но ничего не вышло из этого, поскольку спрессовались все кирпичи в единую массу и лишь на щебень годились.

Ничего больше колхозники здешние позже не ломали – только строили, особенно после освобождения деревни от гитлеровских оккупантов в феврале 1943 года. От Кромской тогда ни одного дома не осталось – только печные трубы, поскольку оказавшаяся между двух огней во время наступления советских войск деревня в течение нескольких дней подвергалась постоянному обстрелу из всех видов оружия, и дома с соломенными крышами сгорали как свечки.

Не успевшие никуда уйти кромчане прятались несколько этих страшных дней в подвалах. В одном из них вместе с матерью и бабушкой находился и четырёхлетний Коля Ефремов.

С ним – Николаем Тимофеевичем Ефремовым, теперь уже седым 70-летним дедом, в один из дней августа 2009 года, я беседовал несколько часов, а потом и ходил по почти безлюдной деревне Кромской.

Несколько лет назад, в своё предыдущее посещение деревни (я искал тогда месторасположение Никольской церкви), наблюдал я поразившую меня картину: однорукий мужик, ловко орудуя косой, плавно укладывал один ряд травы за другим. Крупные капли пота стекали по его загоревшему лицу, но он останавливался лишь после прохождения очередного травяного ряда до конца. Меня косарь тогда не заметил, будучи полностью увлечённым своим делом, а я спешил и не познакомился с таким удивительным специалистом.

А теперь, когда я, в поисках братской могилы, проходил мимо очередного и, казалось, такого же, как и остальные, заброшенного дома, я увидел сидящего около него на скамейке и увлечённо читающего газету того самого однорукого незнакомца. Он меня услышал со второго раза (проблемы со слухом у ветерана тоже имеются) и, сложив газету и зажав её подмышкой оставшейся частью правой руки, последний в этой части деревни Кромской её житель подошёл ко мне. Теперь мы, наконец-то, и познакомились.

Николай Тимофеевич Ефремов (сама популярная, наряду с Гринёвыми и Гусевыми, в здешних местах фамилия) родился 1 января 1939 года. Отец бросил его с матерью в раннем детстве, и Коля даже не видел его ни разу. Того, что было в войну, в силу малолетства, он почти не помнит – мать, Анна Михайловна, рассказывала, как было страшно: о

многодневном бое, о сгоревших хатах, о лежавших после боя под деревней наших солдатах. Тела павших воинов сами кромчане сложили потом в большой подвал, устроив одну большую братскую могилу, над которой установили деревянную пирамиду с пятиконечной звездой.

Честно говоря, когда я увидел эту могилу впервые, то подумал, что время остановилось: та самая деревянная пирамидка с красной звездой – спустя 60 лет! Она и сейчас, через 70 лет после освобождения деревни Кромской, находится на этом же месте. Хотя, по словам Николая Тимофеевича, пирамида всё же другая – изготовленная взамен военной лет 25 назад, по инициативе местного учителя Е.Д.Старых.

Евгений Денисович, занимаясь долгие годы увековечиванием памяти советских солдат, погибших при освобождении села Никольское и окрестных деревень, мечтал о создании большого мемориального комплекса на центральной усадьбе колхоза. При поддержке председателя и секретаря местной партийной организации Н.И.Енина замысел Старых понемногу стал осуществляться. Останки воинов из почти всех небольших захоронений вокруг Никольского были перенесены в братскую могилу мемориального комплекса в селе Никольском.

Но с братской могилкой в деревне Кромской возникли проблемы. Когда собрались её вскрывать, многие жители – из числа тех, кто помнил освобождение, вспомнили и о том, что в подвале, где находятся останки, был склад с немецкими боеприпасами, и снарядов в нём оставалось ещё много. Перезахоронение не состоялось. Не стали трогать и пирамиду со звездой, только обновили её.

Сейчас во всей деревне Кромской осталось три дома. Два дома Гринёвых (старики-родители и их сын со своей семьёй) находятся на одном конце деревни, совсем рядом с селом Никольским, через овраг. А метров через триста от них, находится третий - и последний - жилой дом деревни Кромской, дом, доставшийся Николаю Тимофеевичу Ефремову по наследству от умершей в 2007 году матери.

Закончу рассказ о биографии моего героя (тут я нисколько не преувеличу, хоть сам он героем себя не считает и даже не догадывается об этом – А.П.).

В 1947 году пошёл 8-летний Коля Ефремов учиться в Кромскую школу, а в декабре 1951 года натолкнулся он однажды недалеко от деревни, уже будучи пятиклассником, на артиллерийский снаряд (этого добра в Покровском районе оставалось на всех полях, во всех оврагах видимо-невидимо, хоть и разминировали много - А.П.). Как всякий мальчишка, Коля тут же попытался потрогать боеприпас, а потом и приподнял его.

Снаряд взорвался у него в руках. Самый большой осколок перебил Николаю правую руку (её ампутировали выше локтя в Топковской больнице, куда раненого мальчика доставили на лошади), другой попал в грудную клетку (этот осколок вынули), а третий кусок металла до сих пор сидит в подбородке Николая Тимофеевича.

Став инвалидом, при помощи и поддержке матери, Ефремов учёбу не бросил. Успешно закончил свою Кромскую семилетку, потом – Дросковскую среднюю школу. После окончания Курского кооперативного техникума долгие годы работал инспектором и ревизором в системе потребительской кооперации Орловской области. Живя в Орле, регулярно бывал в родном районе – и с проверками, и в гостях у матери в Кромской.

Не имея одной руки, Николай Тимофеевич так и не рискнул жениться, всего себя посвятив заботам о матери Анне Михайловне. Имея собственное жильё в Орле, практически постоянно последние 15 лет Ефремов живёт в деревне. На мой вопрос – почему? он ответил просто: «А что я там буду делать, в окно смотреть? В деревне мне есть, чем заняться».

Когда Ефремов переехал на постоянное жительство в деревню Кромскую, в ней ещё было много народа. Но с переездом в Орёл и скорой смертью там своих соседей Воронковых (200 метров до их дома и колодца) Николай Тимофеевич остался один на полдеревни. Но эта половина на нём и держится.

Если кромские дороги и тропинки не заросли ещё полностью, как во многих других деревнях, метровой высоты бурьяном, - то это заслуга Ефремова. Он, со своей одной рукой, окашивает территорию не только около собственного дома и огорода (огород большой – 20 соток: картошка, огурцы, помидоры, свёкла, укроп), но и около дома Воронковых, хотя их здесь нет уже три года. Прокошена дорога – а это как раз полдеревни – до колодца, где Николай Тимофеевич берёт воду и о котором он тоже заботится.

Окошено пространство вокруг той самой братской могилы, о которой я рассказывал. «Как же я могу не убраться здесь, ведь там солдаты, которые за нашу деревню погибли, за нас, за меня?» - объясняет он мне.

Власти, да и просто какие-то люди редко посещают теперь деревню Кромскую, кто же, как не он, должен ухаживать за солдатской могилой – и это естественно для Николая Тимофеевича.

Ходит Ефремов регулярно и на местное кладбище, на могилу своей матери. Её он тоже содержит в скромном порядке и мечтает накопить денег и поставить настоящий памятник, не хуже того, что стоит на

могиле местного парня Константина Смирнова, погибшего в 2001 году в Чечне и похороненного неподалёку от Анны Михайловны Ефремовой.

Давно нет в деревне Кромской церкви. Лет 20 назад, после второго пожара, переехала отсюда в Никольское школа. В недавние годы перестала существовать (остался лишь остов) одна из лучших в Покровском районе молочно-товарных ферм, которой заведовала орденоноска Валентина Николаевна Гусева.

Но есть, есть здесь пока братская могила советских воинов с деревянной пирамидкой на ней. И жив ещё Николай Тимофеевич Ефремов, который ухаживает за этой могилой, а заодно – и за деревней. И пока он жив – будет жить (сколько?) и деревня Кромская.

Люди и змеи

На берегу теплого Средиземного моря, в древнем израильском городе Ашкелоне живет старый еврей Александр Наумович Сегаль. Ученый «Божьей милостью», известный биолог-исследователь, прошедший Великую Отечественную войну, волею судьбы оказался он в конце жизни далеко от родного Петрограда – Ленинграда.

Скучая по родине, вспоминая о встречах с интересными людьми, о своей работе, Александр Наумович, начиная с 1999 года, опубликовал в Израиле несколько книг под общим названием «Память о России».

Мне удалось прочесть четыре из них – «Разнотравье», «Дома и люди», «Свет старой лампы», «Чудеса начинаются на Ропшинской». Надо признаться, давно не получал такого удовольствия при чтении произведений непрофессионального писателя. Не профессионал-то Сегаль – это точно, однако в его книгах столько живых и увлекательных подробностей о природе, о животных, о людях, что ароматные страницы его «разнотравий» проглатываешь с огромным увлечением.

Впрочем, я не критик и не собираюсь делать подробный анализ произведений писателя Сегалья.

Речь в моем рассказе пойдет об одном конкретном эпизоде из его второй книги.

В вышедшем в свет в 2000 году «Разнотравье» есть глава под названием «Гремучая змея».

Я процитирую ее с небольшими сокращениями (а читатель – заодно – познакомится с манерой письма А.Н. Сегалья – А.П.).

«В ту пору я работал преподавателем в Педагогическом институте – учил зоологии тувинцев, будущих учителей. Происходило это в городе Кызыле.

Примерно в 100 км от города вниз по Енисею, располагалась учебная база нашего института, где проходила полевая практика студентов.

База эта находилась в живописной горной долине на берегу небольшой быстрой речки, недалеко от места ее впадения в Енисей. Природа здесь так величава и очаровательна, что ее невозможно описать никакими словами.

В этом сказочном уголке я и занимался со своими студентами, открывая им тайны животного мира. Все было бы прекрасно, если бы однажды не произошло событие, которое едва не стоило мне жизни. Как-то утром, проходя по дорожке между домиками нашей базы, я заметил кучку студентов, оживленно обсуждавших какую-то находку на тропке. Подойдя поближе, я увидел, что они столпились вокруг змеи. А змей там было видимо-невидимо. Иной раз они даже падали с дырявой крыши нашей столовой прямо на обеденные столы.

Меня осенило: сейчас я продемонстрирую своим студентам, как надо управляться со змеями. А надо признаться, что со змеями я никогда в жизни дела не имел, но считал себя весьма подкованным по этой части, начитавшись учебников по зоологии вообще и герпетологии (науки о пресмыкающихся) – в частности. К тому же я почему-то забыл, что змеи бывают ядовитыми. Поэтому я без промедления (чтобы змея не успела удрать) нагнулся и смело схватил ее за шиворот. О таком техническом приеме ловли змей я где-то читал.

К великому моему удивлению, змея очень ловко вывернулась из моей «железной» (как я воображал), хватки и тянула меня за большой палец. Не отдавая отчета в происходящем, я решил, что просто не совсем удачно схватил змею, и перехватил ее другой рукой. Тут же змея тянула меня в другой большой палец. Мне сразу стало не по себе...

Что было дальше – вспоминаю с трудом. Пропадало сознание. Прямо на глазах руки стали синеть и набухать кровью. Стало ясно, что нужна срочная помощь. Но до ближайшего поселка, где можно было рассчитывать на врача – несколько десятков километров...

На автомобиле меня, полуживого, довели до районного центра, где и сдали в больницу.

Как водится, противозмеиной сыворотки не оказалось, тем более, что неизвестно было, какая именно змея меня укусила. Не нашли подходящей сыворотки и во всей Тувинской республике, хотя обзвонили все медицинские учреждения. А мне становилось все хуже и хуже: почки перестали работать, сердце останавливалось, и я находился в прострации. Транспортировать меня в Кызыл не решались, а самолетом – тем более.

Из Кызыла примчалась Раиса Федосеевна – декан нашего факультета. Видя, что у врачей уже опустились руки, и они смирились с моей неизбежной кончиной, она бросилась по деревне искать «бабку».

Смутно вспоминаю, как кто-то стоит надо мной и что-то шепчет. Что там эта бабушка шептала, я не знаю, но к утру, вопреки всем ожиданиям врачей, заработали почки, выровнялось сердце, и ангел смерти отлетел от меня. Утром меня отправили самолетом в Кызыл, и там, в больнице, я почти месяц постепенно приходил в себя».

Да, будущего известного зоолога и писателя спасла безвестная деревенская «бабка», найденная благодаря настойчивости декана биофака Тувинского педагогического института Раисы Федосеевны Петровой.

Как судьба забросила Александра Наумовича (уже в конце жизни) в далекий Израиль, так эта же «злодейка» (и другие, сопутствующие обстоятельства) выпроводила семью Петровых из Тувы, и вот уже почти 20 лет живет Раиса Федосеевна со своими родственниками на Орловщине.

Чуть подробнее об этом ниже, а пока я дополню рассказ Сегалья о его чудесном спасении рассказом самой спасительницы:

«Когда я спросила главного врача Туранской больницы, есть ли у них в поселке «бабка», заговаривающая от змеиного укуса, он раскричался – «Какая такая бабушка? Только через мой труп». Я ему говорю – «Трупом не Вы, а Сегаль через несколько часов станет. Вы можете его спасти? Нет? Что тогда потеряете? Авторитет?».

Главврач сдался: *«Ну ладно. Меня-то самого тоже «бабка» от рожки в детстве вылечила»* и назвал адрес известной в поселке «заговорщицы».

Когда я привела «бабку» (оказавшуюся интеллигентной женщиной лет 50) в больницу, она, только посмотрев на Сегалья, сказала: «Еще можно помочь», хотя тот лежал уже полностью без сознания, распухший, как бревно, и посиневший.

Из палаты все вышли, кроме «бабки» и меня. Бабушка, держа принесенную с собой большую белую эмалированную кружку с водой у рта, что-то шептала в нее несколько долгих минут, а потом окропила этой водой Александра Наумовича и сказала: «Через полчаса опухоль будет спадать, но приготовьте посуду больному – он будет мочиться!».

Минут через 20 Сегаль вдруг очнулся и сразу же сказал: *«Хочу...»*. Вылил он не менее 3-х литров (прошу простить за физиологические подробности): заработали почки. Сразу и двигаться начал. Вот так все было».

Петровы и Сегали в Кызыле жили в соседних домах на одной Магистральной улице, дружили. Потом их пути разошлись, но спасительницу свою Александр Наумович не забыл и в Израиле. Кроме упоминания о Раисе Федосеевне в «Разнотравье», он посвятил Петровой еще несколько страниц в книге «Дома и люди». Я снова их процитирую с некоторыми сокращениями:

«Декан моего факультета, Раиса Федосеевна Петрова, приняла меня, нового преподавателя, очень тепло и уважительно. Это была весьма оригинальная женщина. Она отличалась неумной энергией и жизнелюбием. Кажется, дневала и ночевала в институте, успевая посещать лекции и занятия всех преподавателей, вести собственный предмет, физиологию, и в то же время постоянно находиться на посту декана. На любом студенческом вечере она первая открывала танцы, помогала петь самодельным хористам и вообще умудрялась во всем участвовать, оказываясь всегда в нужном месте в нужное время...»

Раиса Федосеевна ввела меня в круг местной интеллигенции и приобщила к своему дому, где то и дело устраивались разные праздничные мероприятия с шутками, играми и, конечно, танцами. Что бы мы без нее делали, не могу себе представить!...

Откуда черпала свою неистощимую энергию Раиса Федосеевна, ума не приложу. Летом она ходила в туристские походы, купалась в холодном, как лед, Енисее, а зимой бегала на лыжах, каталась на коньках и даже на невесть откуда взявшихся финских санях...»

Все выходявшие в Ашкелоне свои книги Сегаль аккуратно присылал в село Смирные Покровского района Орловской области, куда в 1990-м году переехали из Тувы Петровы и их родственники. Всю жизнь прожившие в красивейшем уголке Азии, они были вынуждены так сделать, когда русским среди тувинцев стало совсем нелегко. Впрочем, это совсем отдельная и печальная история.

С Александром Николаевичем Петровым, мужем Раисы Федосеевны, я познакомился в 1990-м году, когда на одном из совещаний в Покровском районном отделе образования нам представили его, как нового директора Топковской средней школы.

Несмотря на разницу почти в 20 лет, между нами сразу возник тесный контакт, не ослабевший все 4 года нашего знакомства.

Петров и внешне казался интеллигентнейшим человеком (это впечатление усиливали обычные роговые очки), а уж после разговора с ним я понял, какие ценные кадры занесли в Покровский район неблагодарные ветра горбачевской перестройки.

Увлекающийся и увлеченный многим человек, он закончил вначале сельхозтехникум, а потом биохимический факультет Абаканского

пединститута, учился в аспирантуре во Владимире, а закончил ее в Институте человека, в Ленинграде, где его научным руководителем была академик Бехтерева.

Подготовил уже Петров и диссертацию – да так и не удосужился ее защитить. К этому времени они с Раей Мельниченко уже поженились, и муж решил, что для семьи хватит и одного кандидата наук.

К тому же, кроме научной деятельности (у Петрова имелось несколько печатных трудов в солидных журналах) много времени у него занимали занятия спортом.

Вначале Шура Петров, несмотря на обычный средний рост, больших успехов добился в баскетболе, где его тренером был знаменитый Арменак Алачачян. В составе сборной Советского Союза Петров участвовал в Олимпийских играх в Мехико в 1968-м году.

Когда же Александру Николаевичу перевалило за 40, он всерьез увлекся новым видом спорта – дельтапланеризмом. Участвовал в соревнованиях – и очень это ему нравилось. Следом за мужем забралась в дельтаплан и Раиса.

Вообще очень многое объединяло супругов-биологов – и походы по тайге (пешком и на лыжах), и спуски на плотах по рекам, и занятия театром, и умения быстро становиться душой коллектива.

На дачу Петровых под Кызылом съезжались многочисленные знакомые и друзья, чтобы посидеть в райском уголке (Райском – еще и от имени хозяйки «Рая»), устроенном 15-летним усердным и тяжким трудом.

Посреди дачи, в окружении декоративных камней, бил рукотворный фонтан, который Александр Николаевич назвал «Раечкины слезы».

Дело в том, что значительную часть подготовки фонтана к эксплуатации Раиса Федосеевна провела, будучи наполовину загипсованной. Это было как раз тогда, когда уже опытная дельтапланеристка Раиса Петрова сильно разбилась на очередных соревнованиях.

Привез чуть оклемавшуюся жену Александр Николаевич на дачу и сказал – «Сиди здесь и выздоравливай! Ничего не пытайся делать!».

Но только Петров с утра на работу – как Раиса Федосеевна сразу: «Что ж я целый день сиднем сидеть буду. А фонтан?». И начала она одной рукой (другая-то, как и туловище – в гипсе была) к месту будущего источника привезенные на дачу декоративные камни таскать.

Удалось эту процедуру несколько раз ей удачно сделать, а вот очередной камень слишком тяжел оказался. Потеряла Раиса равновесие и упала лицом вниз. Удачно упала, даже гипса не повредила, а вот ни

встать, ни повернуться из-за того же гипса уже не смогла, как ни пыталась. Кричала, да без толку – соседей поблизости еще не имелось.

Устала Раиса от своих бесполезных попыток, из сил совсем выбилась. А тут еще и солнце припекло основательно. Разморенная и уставшая, чуть отвернув в сторону голову, заснула Раиса Федосеевна – да так крепко, что вернувшийся с работы муж не смог разбудить ее.

Переволновался тут сильно Александр Николаевич за жену и упал рядом, потеряв сознание. И тут уже Раиса Федосеевна очнулась. Теперь ей пришлось, лежа, пытаться привести в чувство мужа.

Все закончилось, в конце концов, благополучно: раны зажили, дача расцвела, дела преподавательские в институте ладилась. И ничего, казалось, не предвещало изменений, - но они возникли – те самые, первые еще в СССР, проблемы на национальной почве.

Уехали Петровы из Тувы вместе с большой группой родственников, уехали, даже не сумев продать свою благоустроенную квартиру в центре Кызыла: никто не стал ее покупать. Деньги удалось выручить только за лучшую под тувинской столицей дачу.

Полученных средств и накоплений хватило при приезде на Орловщину на покупку старого дома на берегу Смирновского пруда, да на приобретение стройматериалов.

Пруд в селе Смирные Покровского района чем-то напомнил переселенцам Сибирскую природу, и именно здесь решили они обосноваться, благо работы оказалось для всех в избытке. Александр Николаевич Петров стал директором Топковской школы, племянник Сергей Александрович Серебренников возглавил Смирновскую основную школу, находившуюся на грани закрытия. Сразу пятеро учителей, приехавших сюда, в покровскую глубинку, спасли школу, а вскоре и сделали ее известной в Покровском районе (впрочем, это тоже отдельная большая история – и тоже с печальным концом).

Раисе же Федосеевне, как кандидату биологических наук, предложили работу в Орловском педагогическом университете. От села Смирные до Орла – свыше 100 километров, но терять научную квалификацию Петровой не хотелось (да, к тому же, на время преподавания ей пообещали комнату в общежитии), и она согласилась. И до сих пор, хотя вот уже несколько лет Раиса Федосеевна на пенсии, она продолжает обучать студентов-биологов.

Александр Николаевич Петров, почти закончив постройку нового дома в Смирных и даже подумывая о сборке своего дельтаплана (он перевез его на Орловщину в разобранном виде), внезапно скончался от тяжелого заболевания.

Хоронили Петрова всем учительским и директорским сообществом на смирновском кладбище, ставшем местом его последнего приюта.

Осталась было Раиса Федосеевна одна в большом доме (взрослый сын со своей семьей жил отдельно), да некоторое время спустя приехал в гости в Смирные старый знакомый – Владимир Александрович Рассадин, тоже «тувинец», только переселившийся в Крым.

Приехал – да так и остался. Он, потерявший год назад жену, и Раиса Федосеевна решили жить вместе.

Их 15-летними общими усилиями место на берегу Смирновского пруда постепенно превратилось в нечто, напоминающее дачу Петровых там, далеко под Кызылом.

Все-таки человеческая память – это могучая сила. И даже гремучие змеи этой памяти не страшны.

Актриса из села Смирные

Татьяна Исакова – одна из младших представительниц того славного семейства, которое жило в Туве и о котором шла речь в предыдущем рассказе, а потом волею обстоятельств было вынуждено покинуть красивые и обжитые их предками места. Татьяна родилась 16 февраля 1984 года в столице Тувинской АССР Кызыле, но уже в пятилетнем возрасте в 1989 году переехала вместе с родителями и многочисленными родственниками в Покровский район Орловской области, в село Смирные. Училась в Смирновской школе, в которой преподавали её мать, Лариса Александровна (вела биологию и химию), и отец, Олег Юрьевич (преподавал географию, ИЗО). Директором школы в течение 10 лет был родной дядя Татьяны, Сергей Александрович Серебренников. В школе царила тёплая, замечательная атмосфера, пронизанная духом театра. Весь коллектив учителей и учеников под руководством директора принимал участие в спектаклях, с которыми самодеятельные артисты выступали не только перед жителями села Смирные, но и гастролировали по Покровскому району. А сценаристом и режиссёром спектаклей являлась бабушка Татьяны Исаковой – заслуженная учительница Тувы Валентина Федосовна Серебренникова.

Татьяна тоже не оставалась в стороне от всеобщего увлечения, показав незаурядные актёрские способности. После окончания школы она успешно поступила в Орловский Государственный институт культуры и искусств, на факультет художественного творчества (кафедра режиссуры и мастерства актёра), актёрский курс заслуженного деятеля искусств РФ А. А. Михайлова и заслуженного артиста РФ А. А. Поляка, закончила который в 2005 году. Ещё будучи студенткой, стала актрисой Орловского государственного театра «Свободное пространство», сыграв там в нескольких спектаклях (2003-2005 годы).

После окончания ОГИИиК Татьяна Исакова переехала в Москву, где снималась в эпизодических ролях и телесериалах. Самой известной для неё стала роль сотрудника Федеральной экспертной службы (ФЭС) Дарьи в телесериале «След» («Первый канал»).

Когда у Татьяны родился сын Георгий, некоторое время она не снималась. А 30 апреля 2012 года на телеканале «Россия-1» прошла премьера минисериала (4 серии) фильма «Найдёныш-3», в котором молодая артистка очень убедительно и эмоционально сыграла одну из главных ролей – Натальи, молодой матери, у которой возникают большие проблемы в семейной жизни (муж-сектант, серьёзная болезнь младенца). Наверняка, впереди у Татьяны Исаковой – и другие роли, которые сделают её имя ещё более известным.

Из истории Топковского школьного музея

Торжественное открытие музея состоялось в 1986 году. Первым его руководителем стала заместитель директора школы по воспитательной работе Надежда Павловна Кондаурова, а её благородное дело продолжила Елена Николаевна Павлова, директор Топковской школы с 1993 по 2012 год. В 1994 году музей получил звание «Школьного музея». Состоял он тогда из двух разделов: боевой славы и истории села. В настоящее время в музее – три раздела.

1-й раздел. Этнографический

Предметы быта были собраны с помощью родителей, старожил, учителей, учащихся. Этот раздел оформлен в музее как деревенская изба. По левую сторону от двери занимает место угол, который когда-то назывался «бабий кут». Это было рабочее место женщины с чугунами и ухватами у русской печи. Печь в музее сделана руками ребят, а все остальное – подлинное. Тут же находится сундук с приготовленным приданым: рушники, подзоры, рубахи, юбки, полотно. А далее – место работы в зимнее время мужчин. Хозяин дома мог плести, к примеру, лапти. Обувь эта считалась незаменимой в селе. Из рук настоящего мастера выходили такие лапти, что можно было по болоту ходить – не промокнут. Кроме лаптей, плели короба, лукошки, из пеньки – чуни. Мог хозяин заняться и сапожным делом.

А женщина трудилась на ткацком стане, многие крепостные крестьяне были хорошими ткачами. Известно, что вытканые Иваном Ивановичем Замятиным льняные полотна и сшитое из них белье, скатерти и салфетки И.С. Тургенев возил для показа даже в Париж. Рядом с ткацким станом подвешена люлька, тут же и прялка стоит.

Центральное место дома – красный угол. Войдя в дом, человек, прежде всего, крестился, обратившись к иконам, и лишь затем здоровался особое место выделено и столу, ведь он играет заметную роль в обрядах крестьян. В тех местах, где стол закреплен в красном углу, как в нашем музее, на него смотрят, как на неотъемлемую часть принадлежности дома.

Всего в этом разделе собрано почти 200 экспонатов.

2-й раздел. История села Топки

Начинается этот раздел с «Плана Орловской губернии Малоархангельского уезда под названием сельца Тургеньева с выселками оного сельца в владения коллежского секретаря Ивана Сергеевича Тургенева», представленного из архивных документов, находящихся в музее писателя в городе Орле.

Из материалов, представленных в экспозициях этого раздела, мы узнаем, что появилось наше село примерно в конце 17 – начале 18 века, когда шел процесс освоения и заселения Русским государством верховья реки Сосны и ее притоков. Строилось оно в низменной местности, среди болот и топей, отсюда, наверное, и соответствующее название.

История Топков в известной степени связана с дворянским родом Лутовиновых, поэтому большая часть материалов рассказывает о нашем великом земляке – И.С. Тургеневе (смотри материал «Тургенев и Топки»).

Следующая экспозиция музея посвящена истории возникновения колхозов в 30-е годы. Из экспонатов и материалов мы узнаем, что в деревне Пятинской был организован колхоз «Красный борец», который возглавил Борис Извеков. Впоследствии он был зверски замучен гитлеровцами в Великую Отечественную.

В селе Топки был создан колхоз «Рассвет Коммунизма», а в селе Смирные – «Новая жизнь», а в 50-е годы эти колхозы объединились в одно большое хозяйство – колхоз имени Жданова.

Много материала представлено и в экспозиции, рассказывающей о тяжелом испытании – Великой Отечественной войне. 92 жителя Топков не вернулось с той страшной войны! Здесь же разместились и материал о Героях Советского Союза – уроженцах Покровского района, собран материал и о нашем земляке, полном кавалере Ордена Славы Г.С. Шалимове.

Гордимся мы и замечательными людьми – братьями Акулиниными: Михаилом, Егором, Дмитрием, защищавшими нашу родину. Один из них – Михаил, героически пал от рук японцев на озере Хасан, а Егор

пожелал служить в той части, где служил Михаил, а в годы Великой Отечественной героически сражался с немцами, награжден несколькими орденами и медалями за мужество и отвагу, вышел в отставку в звании майора. Не отставал от братьев и Дмитрий, также кадровый военный, храбрость которого оценена высокими правительственными наградами.

Рядом с мужчинами воевали и женщины.

Человеком удивительной судьбы была наша землячка, комиссар гвардейского женского полка Лина Яковлевна Елисеева. Боевой путь гвардейцев пролегал в небе от Волги до Балтики. Полк участвовал в боях за Сталинград, Курск, Смоленск, Оршу, освобождал от врага Северный Кавказ, Прибалтику, Восточную Пруссию.

Экипаж Елисеевой был одним из лучших в полку Марины Расковой. На фюзеляже самолета они нарисовали ласточку – символ весны и победы. Фашисты не могли поверить, что женская рука прокладывает курс бомбардировщика, сжимает штурвал, сбрасывает бомбы самого разного калибра. Каждый их боевой вылет приближал победу. Последний, 1134-й, состоялся 6 мая 1945 года. Ратный подвиг летчика Елисеевой отражен в материалах музея.

Отгремела война, нужно было восстанавливать разрушенное хозяйство и люди начали это благородное дело. Уже в 60-е годы колхоз не только восстановился, но и приумножил свои богатства: стал миллионером. На колхозные средства построены парк, в котором работали аттракционы, почта, дом культуры, школы... В местный дом культуры из Москвы были привезены музыкальные инструменты, костюмы для хора. Ансамбль, созданный в Топках, приглашали на выступления и в районный центр!

А как трудились люди, понимая, что от них зависит будущее села!

42 года отдала Химичева Валентина Петровна нелегкому делу. Она трудилась дояркой. За свой труд награждена грамотами, дипломами, имеет орден Ленина. Высоко оценен Родиной и труд Гуричева Михаила Васильевича. Он тоже имеет наряду с множеством грамот орден Ленина и Трудового Красного знамени. Отличился механизатор на свекольных плантациях колхоза. Орденом Трудового Красного знамени награждена и Евшина Евдокия Корнеевна, проработавшая более 40 лет дояркой.

Есть в музее и материалы о других тружениках села: супругах Кутеповых, Березиной Анне Михайловне, Брагине Михаиле Ефимовиче, трудовых династиях Романовых, Коноплевых, Ерохиных, Кондауровых...

В этом разделе собрано – 163 фотографии, памятных знаков – 32, денежных знаков разных времен – 64, прочих документов – 48.

3-й раздел. История Топковской школы

Далее идет большой раздел «Современная история школы». Этот раздел начинается в музее и выходит за его пределы в коридор 2 этажа. Здесь помещены документы, рассказывающие о том, как школа вошла в состав областной экспериментальной площадки, «Школа – лаборатория гуманитарного образования», экспозиции музея рассказывают о традициях школы, о ее медалистах, о выпускниках, об учителях, директорах и обо всех достижениях школы за последнее время.

Топковская средняя школа занимала второе место в областном конкурсе «Духовное возрождение села» и была победительницей на Всероссийском конкурсе «Школа года-96». Школой руководили многие директора, но самый заметный след оставили после себя Лев Моисеевич Шихман (50-60-ые годы XX века), Борис Борисович Дубов (1979-1984), Надежда Павловна Кондаурова (1984-1988), Александр Николаевич Петров (1988-1992) и Елена Николаевна Павлова (1993-2012 годы).

В 2003 году в Топках отпраздновали её 60-летний юбилей, на котором присутствовали выпускники разных лет. Они с уважением говорили о школе, ее наставниках, ее традициях. А Топковская школа, в свою очередь, гордится своими замечательными выпускниками: А.А. Лаврищевым, доктором экономических наук, автором учебника по экономической географии, П.И. Сидельниковым, агрономом, затем председателем колхоза имени Жданова, В. А. Березиным, работником аппарата при президенте РФ, бывшем дикторе ЦТ и многими другими людьми, прославившими нашу школу далеко за пределами Орловщины.

Музей проводит большую экскурсионно-просветительскую работу не только среди своих учащихся и родителей, в нём регулярно бывают на экскурсиях ученики из других школ Покровского и соседних районов области.

Народные названия улиц села Топки

Как и в любом населенном пункте, в Топках тоже есть свои улицы, практически каждая из которых имеет свое название. Но если в городах названия улиц рассматриваются на заседаниях горсоветов, а улицы называются в честь знаменитых людей или известных событий, то названия улиц Топков не отвечают этим требованиям, а скорее, ближе к тому, как на селе даются прозвища, только здесь они даны не отдельному человеку, а нескольким дворам одновременно.

Большая часть названий улиц восходит к 19 веку, но с появлением новых дворов появляются и новые названия.

Из далекого прошлого дошла легенда о том, что некогда в одном из оврагов по мосту, по которому проезжали на ярмарку торговцы в Топки, в Малоархангельск, разбойники нападали и разували-раздевали их (разували чаще, так как именно в обувь и прятали деньги). Отсюда и появилось в народе название моста – Разуваев, а о месте том долго еще ходили страшные слухи. Известно, что в этих местах очень много водилось дичи, и именно здесь охотился И.С. Тургенев.

Сразу за Разуваевым мостом шла Епоховка (до сегодняшнего дома семьи Матюшиных). Такое название улица получила по фамилиям живших здесь сельчан. К сожалению, сегодня нет домов, а значит, и нет и самой улицы.

От дома Матюшиных до Коноплевых идет улица Шепелевка, также название свое получившая по фамилии Шепелевых, проживавших, в своем большинстве, именно здесь. Далее раскинулась Неумытовка или Шалимовка (до дома Ерохиной В.Н.). По словам старожилы Химичевой В.П., на этой улице ребятишки бегали всегда грязные, да и взрослые, не имевшие поблизости колодцев, тоже не отличались чистотой, и соседи при ругани кричали: «Умойся лучше!».

Центр сегодняшних Топков носит название «Село», именно здесь проводились ярмарки, устраивались народные гуляния и другие массовые мероприятия.

От Села вверх к больнице шла улица Больничная, она была густо заселена - не то, что сейчас, когда осталось здесь лишь несколько домиков старожил. От дома Т.Г. Ерохиной до дома Кононовой В.В. шла Лобашиха.

Далее всего несколько домов объединились в Безквасовку. Старожилы говорят, что скорее всего, потому, что в этих домах – самое главное угощение на селе, квас, часто отсутствовал на столе, или получался не хорошим.

За Лобашихой идут 2-е Топки, по словам Химичевой В.П., назвали потому, что в колхоз, те, кто проживал тут, вошли вторыми за центром Топков.

За 2-ми Топками раскинулось Приволье. Вспоминают, что была здесь небольшая деревушка, а кругом бескрайние поля, луга, отсюда и название – Приволье – вольно – воля – простор.

Рядом с Привольем было торфяное болото, оно часто горело и это место получило название – Горелки. Теперь сюда мы ходим за ягодами, грибами, которых здесь видимо – невидимо.

На восточной границе нашей деревни есть улица Грачевка. Названа так потому, что именно здесь весной на деревьях селятся в большом количестве наши пернатые друзья – грачи. На окраине Грачевки в 19 веке была усадьба попа, рядом протекала небольшая речка, она была запружена, а лощинку и место дома так и называли - Поповка.

Жили в Топках два богача. В честь одного из них – Ильинского – и названо место, где когда-то располагался колхозный гараж. По словам Химичевой В.П., Ильинский был хорошим человеком. Ее бабушка говорила, что он добрый, так как часто проявлял хорошее отношение к крестьянам: не выгонял их, если в доме было несчастье или болел кто, то добавлял копеечку к оплате и отпускал домой с работы пораньше, обед давал бесплатно. Помнит она и дом второго помещика: он был двухэтажным, стоял на Шепелевке, разрушили его немцы во вторую мировую войну.

Улицы, о которых говорилось выше, были названы в прошлом и позапрошлом веке. А в 80-е годы 20 века появилась Хохловка. Это целых два ряда современных домов. Строились дома под руководством тогдашнего председателя колхоза Анатолия Алексеевича Хохлова, отсюда и название – Хохловка.

В 90-е годы начали строить в районе больницы еще одну улицу, которую тут же окрестили Микрорайоном, за удаленность от центра села, компактность.

Сейчас от некоторых улиц осталось несколько домов или же совсем ничего, но зато появились у них официальные названия: Больничная, Молодёжная, Новая, Раздольная, Садовая, Центральная, Школьная, имени Замятиных (всего восемь). Жаль только, что домов и жителей на этих улицах с каждым годом всё меньше.

Шанс на счастливое детство

Четыре года назад 39 семей из Покровского района взяли на воспитание из детских домов и школ-интернатов 65 детей. В каждой из этих опекунских или приемных семей подрастают и собственные дети. У мам и пап хватило любви и терпения отогреть сердца мальчишек и девчонок, взятых под свое крыло из детдомов, и объединить всех ребятишек в дружные семьи.

В с. Топки Топковского сельского поселения создана своя ассоциация приемных родителей, в которую объединились сначала пять семей, затем прибавились еще три, а воспитываются в восьми семьях 12 приемных детей.

(Думаю, стоит назвать эти сердечные семьи: Волковы, Енины, Ефремовы, Матросовы, Мишины, Павловы, Скорятины, Шалимовы. Пять из них – учительские – А.П.)

Андрей Николаевич и Галина Николаевна Волковы, которые воспитывают троих приемных и двоих собственных детей, в этом году представили свой

опыт семейного воспитания на III Всероссийской ассамблее замещающих семей, которая состоялась в Москве в начале ноября.

Ассамблея проводится Министерством образования и науки РФ уже третий раз, ее цель — повышение авторитета семьи в обществе, распространение положительного опыта семейных отношений в замещающей семье, привлечение внимания общества к дальнейшему развитию различных форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для участия в ассамблее в оргкомитет поступили заявки из 40 регионов нашей страны. В финал вышли только 17 семей. По итогам участия Волковы стали лауреатами Всероссийской ассамблеи замещающих семей, организаторов привлек положительный опыт орловцев по созданию объединения замещающих семей.

— Для Топковской ассоциации замещающих семей участие во Всероссийском форуме — это большая победа, — рассказывает директор местной школы Е.Н. Павлова, которая также является приемной мамой наряду еще с пятью своими коллегами, в числе которых и Галина Николаевна Волкова. — Наша ассоциация создавалась для совместного решения проблем, выработки каких-то общих рекомендаций на случай возникновения конфликтов, моральной поддержки новых семей. Однако без Галины Николаевны и Андрея Николаевича не существовало бы ни нашего опыта, ни наших побед.

Четыре года назад вплотную встал вопрос о закрытии Топковской школы, тогда глава района Д.И. Романов предложил педагогам стать приемными родителями для детей, которые придут в школу, заполнят классы. Только в таком случае у школы, а значит, и у села был шанс сохраниться. Учителя, как оказалось, внутренне были готовы к такой миссии, всех вдохновлял положительный пример семьи Волковых, которые уже несколько лет, задолго до принятия государственной программы по устройству детей-сирот в семьи, уже воспитывали помимо своих собственных приемного Сережу. Он с трудом привыкал к семейной жизни, но родители терпеливо, с любовью занимались с сыном, и ребенок откликнулся на родительскую заботу любовью. Опыт Волковых и повлиял на решение учителей и потом других односельчан стать приемными родителями, а значит, подарить ребятишкам шанс на счастливое детство. У самих Волковых появились еще двое малышей.

— Трое наших старших детей уже студенты, — рассказывает Галина Николаевна, — а младшие тоже мечтают поскорее вырасти и по примеру старших поступить в вузы. Пока, правда, не решили, кем будут. Дочка Вера проявляет творческие способности, выступает во всех концертах художественной самодеятельности. Ее стихи печатали в местной газете, все свои творения Вера записывает в «дневнике моей жизни». А еще один наш сын — Сережа — любитель мастерить игрушки из подручного материала и декламировать. Объединяют нас хозяйственные заботы и совместный отдых. Все вместе чувствуем себя большой счастливой семьей.

Мама готова снова и снова говорить об успехах своих детей. Невозможно переоценить материнский подвиг! Она смогла принять в свое сердце чужих детей, залечить их боль и раны. Так, у младшего Сережи (на снимке в центре) в семье Волковых были и нарушения речи, и глухота, а сейчас он здоров и стал лучшим учеником в классе. У материнской любви великая сила.

— Есть отцовское плечо — наша опора, есть наша ассоциация — тоже наша поддержка. Вот так и справляемся с трудностями, — улыбается Галина Николаевна, — а вообще, наша ассоциация — настоящая копилка радостей: у всех наших приемных детей уже много-много побед. И хочется больше позитивной информации по теме приемных детей и родителей, которую, к сожалению, центральные СМИ чаще представляют в негативном свете. А ведь положительной статистики гораздо больше. Пусть позитивные примеры, за которыми счастливые судьбы и жизни детей, нашедших новую семью, послужат образцом для подражания родителям, готовым дать шанс ребенку на счастливое детство.

(«Орловская правда», 27.11.2010)

Послесловие.

После публикации этой статьи прошло два года. Приёмные дети продолжают жить со своими родителями в любви и согласии. Некоторые из них уже стали совершеннолетними, поступили в высшие учебные заведения, но не забывают о тех, кто вложил в них частички своей души.

К сожалению, оптимизм Галины Николаевны Волковой не во всём оправдался. В Топковском сельском поселении произошли не слишком приятные изменения. Закрылась Смирновская основная общеобразовательная школа, а её учеников, продолжающих обучение, направили не в Топки, а в Грачёвскую основную школу, находящуюся в другом поселении.

Топковская школа первой из образовательных учреждений Дросковского района, вскоре после освобождения края от фашистов, стала работать в статусе средней, но свой 70-летний юбилей в 2013 году она встречает уже как основная (девятилетняя). Очень хочется верить, что её не закроют окончательно

(Александр Польшин)

Творчество уроженцев и жителей Топковского поселения

Лилия Новикова

«Родилась 28 мая 1951 года в маленькой покровской деревушке Стегновке (Малороссово) в большой многодетной семье колхозников Алексея Петровича и Марии Семёновны Давыдовых. Была первым ребёнком из восьми сестёр и братьев. В детстве нянчила младших, пасла коров, убирала сено. Когда было свободное время, брала книгу и уходила подальше. Считаю, что в значительной степени меня воспитали именно книги.

В 1970 году закончила Болховское педагогическое училище и большую часть своей жизни проработала в Топковской средней школе учителем изобразительного искусства, черчения и музыки, одновременно исполняя обязанности старшей пионервожатой. Вырастила троих детей. В настоящее время – на пенсии. Стихи и прозу пробовала писать ещё в детстве, но нигде не публиковалась, используя написанное только на уроках и внеклассных мероприятиях» (из автобиографии)

Стихи

Что я умею и люблю

Я научилась над собой смеяться,
Упала – я сама могу подняться.
Я научилась так любить, но не умею ненавидеть.
Могу в простом прекрасное увидеть.
Умею я дарить и отдавать
И очень редко приходилось брать.
Но я за всё судьбу благодарю,
На свете много есть того, что я люблю.
Люблю своих детей прекрасные глаза
И щебетанье птиц, и внуков голоса.
Люблю смотреть, как мужики едят,
Придя с покоса и усевшись в ряд.
Люблю в жару сходить на местный пруд,
Рукой прикрывшись, наблюдать, как гуси стайкою плывут.
Люблю я слушать, как ручьи журчат,
А осенью – смотреть на листопад.
Люблю снежинки на ладонь ловить

И с дочкой по душам поговорить.
Цветы сажать люблю, варить обед,
Жить тихо на Земле, не зная бед.

Каждому – своё

У каждого есть в жизни свой удел,
Своя судьба, своё предназначенье.
Прекрасному и гадкому – всему ведь есть предел,
Но мы словам не придаём значенья.
Мы знаем, словом можно излечить,
Случайной фразой – больно ранить.
Приятно ведь письмо от милой получить,
Ещё приятней ей письмо отправить.
Мечта одних – богатство, слава, власть,
Мечта других – на Эверест подняться.
Прагматикам романтиков так просто не понять,
Последним остаётся лишь над ними посмеяться.
Кому приятен лета душный жар,
Кому легко лишь на морозном воздухе,
Кому – вдыхать земли весенней пар,
А я люблю, когда золотые листья в руки просятся.
Мальчишка мечтает о велосипеде,
Девчонка мечтает с мальчишкой встречаться,
Повеса мечтает о лёгкой победе,
И каждый, поверьте, мечтает о счастье!

Просто жить

Я не успела оглянуться,
А вот уж осень на пороге...
Неужто облака сомкнутся,
И я стою в конце дороги?
Неужто свет везде погаснет
И надо мной зажгутся свечи?
Но ждать конца – какое счастье!
Себе твержу: ещё не вечер!
Не всех я внуков полюбила,
Не все закаты посмотрела,

Не все подарки раздарила,
Да и душой не постарела.
Все дни и ночи я в заботах,
Да, я нужна на этом свете,
Пока что ценят на работе,
И у меня есть внуки, дети.
А, поживу ещё немного!
Назло врагам болезни спрячу.
Хорошего на свете больше.
И просто жить – какое счастье!

Населённые пункты Топковской зоны в 1866 году

№ п/п	Название	Статус селения	Где было расположено	Число дворов	Число жителей	Что имелось
1	Топки (Тапки)	Село владельч.	При ручье Топком Ржавце	196	1808	Церковь, расправа, мельница
2	Лутовинова (Хмелевая)	Деревня владельч.	При ручье Топком Ржавце	40	667	
3	Булгакова	Деревня казённая		6	56	
4	Ефремова	Деревня казённая		66	659	
5	Богородицкое (Успенское, Смирные)	Село владельч.	При колодцах	64	908	Церковь, ярмарка, мельниц-2
6	Никольское	Село казённое	При колодцах	62	450	Церковь, маслобоен – 12, мельниц - 1
7	Дворы Старые (Кромские)	Деревня владельч.		9	106	
8	Александровское (Чечерино)	Сельцо владельч.		22	282	
Итого				471	4936	

Из издания

«Полное географическое описание нашего отечества. 1902 год»

Село Топки имеет 2200 жителей, школу, 21 ветряную мельницу и ярмарку. Наконец, волостное селение Смирновской волости, – Смирные (Богородицкое) имеет более 1.000 жителей, волостное правление, школу, лавки и ярмарки. В эпоху освобождения крестьян имение в селе Смирные принадлежало Николаю Петровичу Киреевскому, владевшему здесь 4.500 десятинами земли

**Численность населения Смирновского сельсовета
(1932 год)**

№ п/п	Название	Число жителей
1	Александровка	440
2	Башкатов 2-ой	26
3	Ефремово	555
4	Жигачёвка	64
5	Жигачёвский посёлок	66
6	Кочки (посёлок)	86
7	Красный пахарь	57
8	Кромская	173
9	Моховое	49
10	Никольское 1-ое	454
11	Никольское 2-ое	233
12	Новая деревня	58
13	Орловка	142
14	Прилепы	190
15	Смирные	563
Итого		3206

**Численность населения Топковского сельсовета
(1932 год)**

№ п/п	Название	Число жителей
1	Акулиновка	122
2	Колчанский (посёлок)	300
3	Лутовиново	700
4	Ново-Слободка	461
5	Приволье	102
6	Студёный	70
7	Топки 1-ые	933
8	Топки 2-ые	624
Итого		3414

По Смирновскому и Топковскому сельсоветам – 6620 человек

**Количество дворов и жителей Топковского сельсовета
(без Верхососенья)
на 01.01.1983 г.**

С. Топки	153	394
Д. Лутовиново	47	107
С. Смирные	100	185
Д. Жигачевка	17	46
С.Никольское	75	193
П.Малороссов	9	24
Д. Александровка	14	34
Д. Прилепы	9	15
Д. Кромская	12	26
Д. Ефремово	25	52
Д.Новая Слободка	44	124
Итого	505	1200

**Численность жителей Топковского сельского поселения
на 01.01.2010 и 01.01.2012 (в сравнении)**

№ п/п	Название	Количество хозяйств	Число жителей
1	Топки, село	94/97	286/240
2	Александровка, деревня	36/36	120/104
3	Ефремово, деревня	1/1	3/0
4	Жигачёвка, деревня	1/1	1/0
5	Кромская, деревня	12/12	25/12
6	Лутовиново, деревня	29/28	52/48
7	Малороссов, посёлок	8/8	7/7
8	Никольское, деревня	59/76	159/173
9	Смирные, село	58/66	151/131
10	Новая Слободка, деревня	27/27	52/52
<i>Итого</i>	<i>За два года число жителей уменьшилось на 89 человек</i>		<i>856/767</i>

Словарь известных уроженцев и жителей Топковского сельского поселения

Акулинины (Егор, Михаил, Дмитрий) – братья, уроженцы села Топки, участники боевых действий на Дальнем Востоке и в Великой Отечественной войне.

Березин Владимир Александрович (родился 3 апреля 1957 года в селе Смирные) - ведущий концертов, фестивалей, официальных приемов в мэрии и Кремле. Вице-президент общественного фонда «Союз». Народный артист России, Чеченской и Ингушской республик, заслуженный деятель искусств. Учился в Смирновской восьмилетней и Топковской средней школах. В Смирных жил у родной тёти. Окончил факультет режиссуры Орловского училища культуры и факультет журналистики Уральского государственного университета. В 1980 году возглавил дикторский отдел на Свердловском телевидении. В 1990 году был приглашен работать на Центральное телевидение. Работал ведущим программы «Доброе утро», записывал выпуски детской передачи «Спокойной ночи, малыши». В 1991 году, после драматических событий ГКЧП, впервые появился в эфире программы «Время». Позже стал главным диктором ВГТРК. В 1993 году за исполнение профессиональных обязанностей, связанных с риском для жизни, был награжден орденом Мужества. Женат, воспитывает дочь.

Бондарев Тихон Лаврентьевич (16.06.1871, деревня Новая Слободка, Малоархангельский уезд, Орловская губерния, ныне Покровский район Орловской области — 27.07.1941, Москва) — российский революционер, советский партийный деятель (смотри очерк о нём).

Гринёв Михаил Андреевич (08.09.1922г., д.Прилепы – 02.05.1983г.,г.Малоархангельск) – Герой Советского Союза. Сын бедных покровских крестьян, Миша Гринёв до войны закончил 6 классов Кромской семилетней школы, а потом поступил в ФЗО. Работал слесарем-монтажником на Харьковском тракторном заводе, а после начала войны и эвакуации – на одном из заводов города Барнаула. В марте 1942 года Барнаульским РВК был призван в Красную Армию.

На фронте – с августа 1942 года. В боях южнее города Бяла-Подляска (Польша) 24-25 июля 1944 года расчёт орудия старшего сержанта Гринёва (226 артполк 1-ой стрелковой дивизии 70-ой армии 1-ого Белорусского фронта) в ходе наступления рассеял до эскадрона конницы, уничтожил орудие и станковый пулемёт врага.

26 июля, когда противник при поддержке 6 танков контратаковал стрелковый полк, артиллеристы прямой наводкой уничтожили автомашину с пехотой, два танка, а третий подбили. Вражеская контратака была отражена. В последующих боях расчёт уничтожил 12 автомашин, 10 повозок с боеприпасами и несколько вражеских орудий. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.1944 года.

В 1945 году Михаил Андреевич закончил курсы младших лейтенантов при Пензенском артиллерийском училище. С ноября 1945 года капитан Гринёв – в запасе. Вернулся на родину, некоторое время работал в колхозе, а потом переселился на постоянное место жительства в город Малоархангельск. Был на хозяйственной и советской работе. Умер в начале мая 1983 года. Похоронен на городском кладбище Малоархангельска.

В Кромской школе есть мемориальная доска в память об учившихся в ней Героях Советского Союза Михаиле Гринёве и Иване Дубинине. Одна из улиц села Никольского носит имя Михаила Гринёва.

Дубинин Иван Владимирович (25.5.1914г., село Никольское – 09.05.1945г., г. Севастополь) – Герой Советского Союза, автоматчик 70-ого гвардейского стрелкового полка (24-ая гвардейская стрелковая дивизия 2-ой гвардейской армии 4-ого Украинского фронта), героически погиб при освобождении города-героя Севастополя (*смотри очерк о нём «Жизнь – за Севастополь!»*)

Елисеева (Юдина) Лина Яковлевна (1907, село Топки - 1979, Царское Село Ленинградской области) - военная лётчица, комиссар 587-го бомбардировочного авиаполка (с сентября 1943 года переименованного в 125-ый гвардейский бомбардировочный имени Героя Советского Союза Марины Расковой полк) – *смотри очерк о ней «Комиссар 587-ого бомбардировочного авиаполка Лина Елисеева»*

Ефремов Константин Петрович (02.03.1922г., село Никольское – 07.05.2005г., г. Минск, Белоруссия) – генерал-майор, участник Великой Отечественной войны (*смотри очерк о нём «Генерал Константин Ефремов»*)

Ефремов Леонид Петрович (10.11.1926, с. Никольское – 24.01.2008г., пос. Покровское) - видный советский и партийный работник Покровского района, участник Великой Отечественной войны, брат генерала Константина Ефремова.

Леонид Петрович родился в селе Никольское, в многодетной крестьянской семье. Закончил до войны Кромскую семилетнюю школу, работал в родном колхозе. Пережив фашистскую оккупацию, в конце 1944 года 18-летний Леонид Ефремов, ушёл на фронт. Принимал участие в Берлинской наступательной операции и во взятии Берлина.

В послевоенные годы работал в колхозе, в Дросковском уголовном розыске, в Дросковском райкоме партии. В 1965 году, когда образовался Покровский район, Леонид Петрович Ефремов был избран вторым секретарём Покровского райкома КПСС. Потом работал заместителем председателя райисполкома, на других административных должностях. Кавалер ордена «Знак Почёта» и нескольких медалей.

Замятин Ардалион Иванович (1861г, д.Лутовинова — 16.05.1945г, село Топки) — земский учитель, автор мемуаров «Мои личные воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе» (1924) — о двух встречах с писателем.

Отец Ардалиона - Иван Иванович Замятин, дворовый человек помещицы Варвары Петровны Тургеневой (матери Ивана Тургенева). Жил в Спасском-Лутовинове, незадолго до отмены крепостного права был переселён владелицей в деревню Лутовинову Малоархангельского уезда.

Ардалион закончил Малоархангельское городское высшее начальное училище, по окончании которого экстерном сдал экзамены на звание учителя земской школы. В 1876 году в возрасте 15 лет был назначен учителем Топковского училища Малоархангельского земства. В Топках проработал в общей сложности 37 лет. В 1913 году серьёзно заболел и за заслуги в земском образовании несколько лет получал персональную материальную помощь от земства, пока не дождался от Министерства народного просвещения пенсии, положенной по возрасту. После революции жил в Малоархангельске, где и скончался. Но похоронили Ардалиона Ивановича на Топковском сельском кладбище.

Замятина Анна Ардалионовна (25.11.1891г, дер. Лутовинова – 25.04.1976 г, село Топки) — учитель Топковской земской школы, затем Топковской средней школы. Окончила Московские Высшие Женские Курсы и Московский университет. Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени (1942, 1947 годы)

Исакова Татьяна Олеговна (родилась 16 февраля 1984 года в городе Кызыл Тувинской АССР) – актриса театра и кино. Училась в Смирновской школе. В 2005 году закончила факультет художественного творчества Орловского Государственного института искусства и культуры. В 2003-2005 годах играла на сцене Орловского театра имени Ивана Тургенева. Снялась в нескольких фильмах. Самые известные – «След» (роль Дарьи) и телесериал «Найдёныш-3» (роль Натальи).

Киреевские (Николай Петрович и его сыновья: Василий, Дмитрий, Пётр, Иван большой и Иван меньший, Андрей, Алексей, Александр Николаевичи) – помещики Малоархангельского уезда, владевшие именьями в селе Смирные и окрестностях.

Кононов Николай Кузьмич (1924г, село Топки, - 2010г, г. Орёл) – участник Великой Отечественной войны, в послевоенный период работал в Орловском сельхозинституте, кандидат исторических наук, автор нескольких книг, посвящённых истории Орловщины и Покровского края (в том числе, - «Наш современник Иван Тургенев»).

Лаврицев Алексей Никитич (1909г, село Топки – дата смерти неизвестна) — советский экономико-географ, доктор географических наук (с 1948), профессор, заведующий кафедрой экономической географии Всесоюзного заочного финансово-экономического института и Московского областного педагогического института. Основные работы: «География промышленности СССР» (1958); «География отраслей народного хозяйства Союза ССР» (1955); «Экономическая география СССР» (1961); «Экономическая география СССР» (1964, 2-е изд., 1965, 3-е изд. 1986г).

Лутовинов Пётр Иванович (1743 – 1787г.) – ливенский, а потом - малоархангельский помещик, владелец имений Топки и Лутовиново, родной дед Ивана Сергеевича Тургенева, известный своим буйным и неукротимым нравом.

Никишин Сергей Сергеевич (15.04.1923г., деревня Петровка Мценского района – 05.10.2003г., г. Орёл) – Герой Социалистического труда (1966 год), депутат Верховного Совета РСФСР VI созыва (1963-1967г.г.), председатель колхоза имени Жданова с 1954 по 1969 год, один из создателей и руководителей Орловского отделения Крестьянской партии России, похоронен на Лужковском кладбище города Орла (смотри очерк о нём).

Остров Клавдий Михайлович, - сын священника села Топки, родился в 1874 году, в 1891 году перешёл из 3 класса Орловской духовной семинарии в Орловскую гимназию, в которой окончил курс в 1895 году и поступил на юридический факультет Московского университета, но курса в нём не закончил. К.М. работал в статистическом отделе Орловской губернской земской управы и в «Орловском вестнике», помещал журнальные обозрения, написанные очень талантливо («Орловский вестник», 1899г, №№ 178, 180, 185 и другие). В той же газете он напечатал рецензию о сочинении К.Каутского «Аграрный вопрос» (1900, №125) и много других статей.

Клавдий Михайлович является одним из тех скромных общественных тружеников, работа которых, оставаясь незаметной со стороны и не нося характера «широких задач», является, однако, одним из тех камней, на которых зиждется великое здание общественного культурного развития. Отличительной чертой этих симпатичных тружеников служит обыкновенно сознательно-преданное и полное любви отношение к отмежеванному ими себе делу.

(«Материалы для описания Орловской губернии» Рига, 1903, Издание П.Александрова, стр.13)

Петрова Раиса Федосеевна (родилась 12 марта 1940 года в городе Кызыл, Тува) – кандидат биологических наук. До 1990 года преподавала в Тувинском государственном педагогическом институте, была деканом биологического факультета. После переезда в Покровский район преподавала на кафедре биологии Орловского государственного университета. Живёт в селе Смирные (смотри о ней очерк «Люди и змеи»).

Серебренникова Валентина Федосовна (родилась 5 июня 1934 года в посёлке Саганар, Тува) – Заслуженный учитель Тувинской АССР. До 1990 года жила в городе Кызыле (Тува), где преподавала русский язык и литературу. После переезда в Покровский район 20 лет проработала в Смирновской основной школе (до её закрытия в 2011 году), прививала детям любовь к русскому языку и великой русской литературе

Сидельников Пётр Иванович (25.11.1918г., село Топки – 08.09.1974г., село Топки) – участник Великой Отечественной войны, председатель колхоза имени Жданова в 1969-1972 годах.

С 1936 года учился в Глазуновском сельскохозяйственном техникуме, с третьего курса которого в 1939 году был призван в Красную Армию. Войну начал командиром отделения разведки 6-ого гаубичного артполка 6-ой танковой дивизии, а закончил – начальником разведки дивизиона 153 Уразовского артиллерийского полка 73 гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии. Награждён орденом Красной звезды, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

После войны – участковый агроном, агрономелиоратор Топковской МТС, главный агроном колхоза имени Жданова, с 1969 и до 1974 года – председатель этого же хозяйства, за успехи в его развитии награждён был орденом Трудового Красного Знамени (1971 год).

Смирнов Константин Александрович (09.02.1981г., село Бахирево Бурейского района Амурской области – 12.05.2001г., Чеченская республика). Житель д. Александровка, по контракту служил на Северном Кавказе, выполняя воинский долг по защите конституционных интересов Российской Федерации. Погиб 12 мая 2001 года, подорвавшись на mine при выполнении боевого задания. Похоронен на кладбище деревни Кромская. Именем Константина Смирнова названа улица в деревне Александровка.

Тургенев Иван Сергеевич (09.11.1818-03.09.1883) – великий русский писатель, с 1855 года владел имениями Топки и Лутовиново на территории нашего края, продав их в 1880 году мценскому купцу А.И.Кошеверову.

Тургенева Варвара Петровна (1787-1850) – помещица Малоархангельского уезда, с 1813 до 1850 года владела имениями Топки и Лутовиново, мать писателя И.С.Тургенева.

Шалимов Григорий Семёнович (29.01.1921г., село Топки – 13.08.1991г., Орёл) – полный кавалер ордена Славы, воздушный стрелок 74-го гвардейского штурмового авиационного полка 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта, гвардии сержант (смотри очерк о нём).

***Председатели Топковского сельского Совета
и главы Топковского сельского поселения***

Жестовский Серафим Васильевич (1962 – 1975)

Тришкин Алексей Матвеевич (1975 -1980)

Романов Иван Иванович (1980-1985)

Кондауров Сергей Иванович (1985 – 1986)

Шалимов Александр Фёдорович (1986-1991)

Гутник Николай Николаевич (1991 – 2001)

Волков Андрей Николаевич (с 2001 года)

Воинские захоронения и памятники

Братская могила в селе Топки

Братская могила у д.Новая Слободка

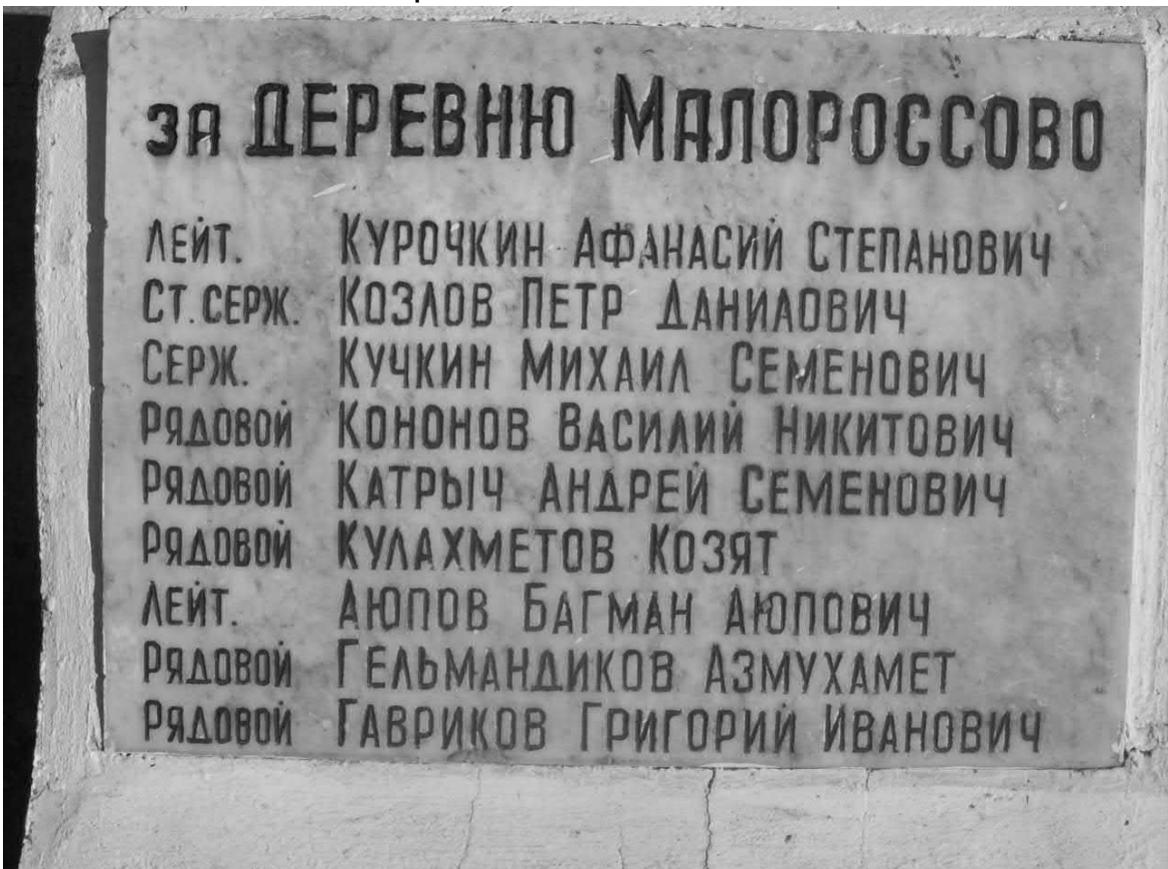
Могила красноармейца Савельева в д.Новая Слободка

Братская могила в селе Никольское

Памятная плита Героя Советского Союза Ивана Дубинина на мемориале в селе Никольское

Плита с именами погибших в боях за д. Малороссово

Братская могила в селе Смирные.

Братская могила в д.Кромская

Могила Константина Смирнова,
погибшего на Северном Кавказе
(д. Кромская)

Памятник А.А.Жданову, партийному
деятелю, чьё имя долгие годы носил
местный колхоз (село Топки)

Здания и сооружения

Церковная сторожка Покровской церкви села Топки

Здание Топковской земской больницы (в последние годы здесь находился Топковский Дом ветеранов)

Топковская школа

Экспонаты музея Топковской школы

Никольская школа

Музейный уголок Никольской школы

Здание Никольского культурно-спортивного комплекса

Смирновская школа

Топковский Дом культуры

Подвал помещиков Киреевских в селе Смирные

Магазин ПТЗПО Покровчанка в селе Никольское

Баня в память об СССР (усадебя Петровых в селе Смирные)

Природа Топковского поселения

Окрестности села Топки, место бывшей усадьбы И.С.Тургенева

Вид на село Топки

Пруд между селом Смирные и д. Орловка

Ручей Дегтярка в селе Никольское

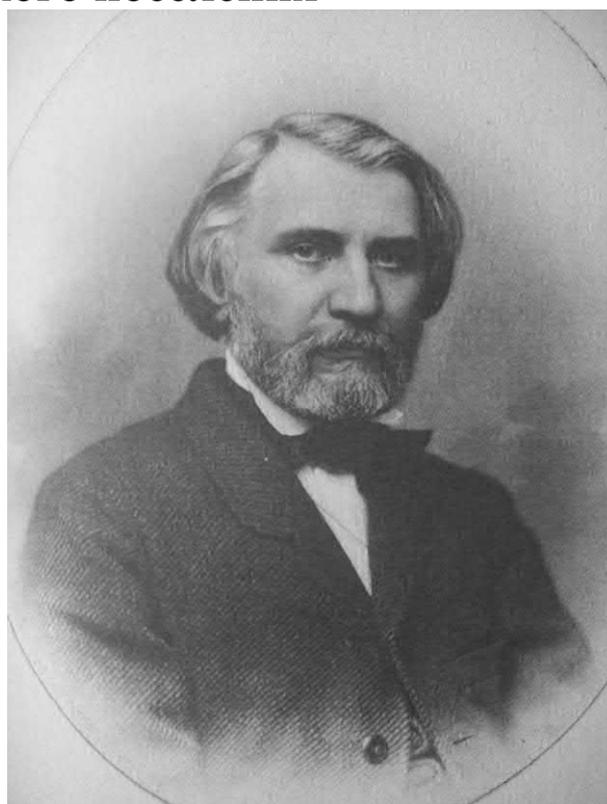

Дорога на окраине села Никольского

Люди Топковского поселения

Варвара Петровна Тургенева,
мать великого писателя

Иван Сергеевич Тургенев

Династия учителей Замятиных – Ардалион Иванович и его дочери
Екатерина (слева) и Анна

Тихон Лаврентьевич Бондарев

Иван Владимирович Дубинин,
Герой Советского Союза

Михаил Андреевич Гринёв, Герой
Советского Союза

Григорий Семёнович Шалимов,
полный кавалер ордена Славы

Константин Петрович Ефремов,
генерал-майор

Сергей Сергеевич Никишин, Герой
Социалистического Труда

Лина Яковлевна Елисеєва,
знаменитая лётчица

Татьяна Исакова, актриса театра и
кино

Николай Тимофеевич Ефремов,
последний защитник деревни
Кромской

Владимир Александрович Березин

Валентина Петровна Химичева

Галина Николаевна Волкова и её
дети – Серёжа и Вера

Раиса Федосеевна Петрова и Владимир Александрович Рассадин

Валентина Федосовна Серебренникова и её ученики

Содержание

Тургеневские Топки во времени и пространстве	3
Топки в произведениях Тургенева и в воспоминаниях о нём	6
О Покровской церкви села Топки и её прихожанах	14
Как орловский губернатор с крестьянами воевал	19
«Смирновская история» или Как любили в старину	24
Легенды Никольской церкви	29
О Топковской больнице	31
Революционер и основатель Красной Гвардии Тихон Бондарев	32
Из справки по мелиоративно-гидро-геологическому обследованию Топковского сельского совета Дросковского района Курской области	34
Списки расстрелянных во время оккупации (1941-1943 гг.) мирных жителей Топковского и Смирновского сельсоветов	36
Как в Покровском районе железную дорогу пытались построить	37
Как освобождали село Топки	40
О немецких шпионах в деревне Жигачёвка	43
«Жизнь – за Севастополь» (Герой Советского Союза Иван Дубинин)	44
Полный кавалер ордена Славы Григорий Шалимов	50
Генерал Константин Ефремов	51
Комиссар 587-ого бомбардировочного авиаполка Лина Елисеева	53
Старый директор (о Михаиле Фёдоровиче Ловчикове)	54
Рассказы старого директора	57
Рассказ первый: «Бровь Клавдии Костроминой»	57
Рассказ второй: «Маршал и пулемётчик»	58
Рассказ третий: «Григо»	60
Жители Топковского и Смирновского сельсоветов, погибшие от мин, снарядов и гранат в 1943-1952 годах	63
О Топковской МТС	64
Сергей Сергеевич Никишин, Герой Социалистического труда	64
Кавалеры орденов и медалей колхоза имени Жданова	66
Николай Ефремов – последний защитник деревни Кромской	67
Люди и змеи	71
Актриса Татьяна Исакова	77
Из истории Топковского школьного музея	78
Народные названия улиц села Топки	81
Творчество уроженцев и жителей Топковского сельского поселения	86
Лилия Новикова. Стихи	86
Приложения	88
Населённые пункты Топковской зоны в 1866 году	88
Из издания «Полное географическое описание нашего Отечества. 1902 год» ...	88
Численность населения Смирновского сельсовета (1932 год)	89
Численность населения Топковского сельсовета (1932 год)	89
Количество дворов и жителей Топковского сельсовета на 01.01.1983г.	90
Численность жителей Топковского сельского поселения на 01.01.2010 и 01.01.2012 гг. (в сравнении)	90
Словарь известных уроженцев и жителей Топковского сельского поселения ...	91
Председатели Топковского сельсовета и главы Топковского сельского поселения (с 1962 года)	96
Фотоприложения	97

[75-00]

**История сельских поселений
Покровского района Орловской области
Выпуск III**

Александр Полынкин

***Топковское сельское поселение.
История и люди***

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Фотографии – А. Полынкин

Технический редактор С. Ветчинников

Подписано в печать 17.12.2012 г. Формат 60X80 1/16

Печать ризограф. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Объём 7,125 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 418

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862)44-51-46

